

. II.

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/301>]

[2011: :]

« » / . . . . (.). I .

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Научно-образовательный Центр антиковедения

**КОЛЛОКВИУМЫ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА.
Ч. II. ГРЕЦИЯ И РИМ**

**Тема II.
ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ**

*Методические указания по самостоятельной подготовке
для студентов I курса бакалавриата
направления «История»*

Составители В.В. Дементьева, О.Г. Цымбал

Ярославль 2011

Тема 2. ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

1. Причины греко-персидских войн, их периодизация. Ионийское восстание.
2. Поход Мардония. Поход Датиса и Артаферна.
3. Поход Ксеркса.
4. Военные действия 478-449 гг. до н.э. Первый Афинский Морской союз. Каллиев мир.

Основная учебная литература:

1. Бузескул В.П. История Афинской демократии. СПб., 2003. С. 123-137.
2. Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. Избр. соч.: в 2 т. Т. 1. Ростов н/Д. 1995. С. 143-178.
3. Глускина Л.М. Греко-персидские войны // История древнего мира: в 3 т. / под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. 3-е изд. М., 1989. Т. 2. С. 146-167.
4. Древняя Греция: учебное пособие для вузов / Б.С. Ляпустин, И.Е. Суриков. М., 2007. С. 243-265.
5. История Древней Греции: Учеб./ Ю.В. Андреев, Г.А. Кошеленко, В.И. Кузищин, Л.П. Маринович; Под ред. В.И. Кузищина. 3-е изд. М., 2003. С. 131-147.
6. Сергеев В.С. История Греции. М., 2008. С. 294-334.

Дополнительная литература:

1. Борухович В.Г. Афины и Персия в период Ионийского восстания 500 г. до н.э. // Владимир Григорьевич Борухович в воспоминаниях и письмах. Саратов, 2009. С. 201-218.
2. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. 324 с.
3. Конноли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. С. 12-36.
4. Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Государственные и военные древности. (Раздел IV. Глава 28. 2. Первый Афинский союз). СПб., 1997. С. 301-305.
5. Лурье С.Я. Геродот. М.-Л., 1947. 236 с.
6. Паршиков А.Е. Аристотель (Ath. Pol. 23, 5) и организация первого афинского морского союза // ВДИ. 1971. № 1. С. 76-89.
7. Рунг Э.В. Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI-IV вв. до н.э. СПб., 2008. 484 с.
8. Рунг Э.В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // ВДИ. 2005. № 3. С. 14-36.
9. Ставнюк В.В. Фемістокл і Афіни: діяльність Фемістокла в контексті еволюції афінського поліса. К., 2004. 248 с.
10. Строгоцкий В.М. Ионийское восстание и позиция Спарты // ВДИ. 1973. № 3. С. 134-144.

11. Строгеецкий В. М. Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза // ВДИ. 1991. № 2. С. 158-168.
12. Суриков И.Е. Геродот. М., 2009. 412 с.
13. Цератани Н.Ф. Эсхил и греко-персидская война // ВДИ. 1946. № 1. С. 9-20.
14. Шувалов В.В. Морская программа Фемистокла // ВДИ. 2006. № 2. С. 24-43.
15. Bengtson H. Zur Vorgeschichte der Schlacht bei Salamis // Chiron. 1971/ Vol. 1. S. 89-94.
16. Hammond N.G.L. The Extent of Persian Occupation in Thrace // Chiron. 1980. Vol.10. P. 53-61.
17. Hörnager H. Zu den Flottenoperationen am Kap Artemision // Chiron. 1973. Vol. 3. S. 43-59.
18. Müller D. Von Doriskos nach Therme. Der Weg des Xerxes-Heeres durch Thrakien und Ostmakedonien // Chiron. 1975. Vol. 5. S. 1-11.
19. Raaflaub K. Beute, Vergeltung, Freiheit? Zur Zielsetzung des Delisch-Attischen Seebundes // Chiron. 1979. Vol. IX. S. 1-22.

Обратите внимание на периодизацию греко-персидских войн, содержащуюся в университетском учебнике под редакцией В.И. Кузицина. Кратко поясните содержание каждого из этапов. Назовите экономические и политические предпосылки войн. Подумайте, почему персидская экспансия представляла угрозу для полисного строя греков? Сразу ли греки осознали это обстоятельство и добились единства действий?

Отвечая на первый вопрос, изложите также сведения о подчинении Персией малоазийских греческих полисов. В чем состояла тяжесть их положения? Расскажите об Ионийском восстании по следующему плану: причины и повод к восстанию, инициаторы и руководители восстания, обращение за помощью к балканским полисам и его результаты, сожжение Сард, сражение у о. Лада, взятие Милета и расправа с восставшими.

Каким образом осуществлялась подготовка первого персидского похода? Проследите по карте поход Мардония в 492 г. до н.э. Каковы были его результаты? Что заставило войско отступить в Азию?

Расскажите о подготовке Дарием I нового похода и его осуществлении под руководством Датиса и Артаферна. Проследите маршрут похода по карте. Подробно опишите Марафонскую битву: соотношение сил сторон, тактика Мильтиада, сведения источников о количестве погибших, военно-политическое и моральное значение победы для афинян.

Изложение третьего вопроса включает в себя следующие моменты: борьба Фемистокла и Аристида по вопросам о способах ведения войны и укрепления армии. Строительство боевого флота и его социально-политические последствия. Совещание представителей греческих полисов в Коринфе и его итоги.

Проследите по карте маршрут похода Ксеркса до его вступления в Фессалию. Расскажите о ходе битвы при Фермопилах. Найдите яркие факты

для характеристики мужества греческих воинов. Расскажите о вторжении Ксеркса в Аттику и о разногласиях греков по поводу поисков путей отражения агрессии. Опишите битву при Саламине и объясните, в чем состояло значение победы греков в этом сражении.

Осветите события 479 г. до н.э.: вторжение армии Мардония в Аттику и Беотию, битву при Платеях (руководство Павсанием греческой армией, ход сражения, бегство персов), морской бой и мыса Микале и его результаты. Почему события 480-479 гг. до н.э. можно считать решающими в ходе греко-персидских войн?

Отвечая на четвертый вопрос плана, остановитесь на существенных политических изменениях в Греции. Какие полисы отходят от борьбы с Персией, а какие – продолжают ее? Делосскую симмахию охарактеризуйте по следующим моментам: дата создания, состав, способы подчинения Афинами своих союзников, выгоды союзников от членства в симмахии.

Назовите основные направления военных действий на последнем этапе греко-персидских войн, успехи афинян под командованием Кимона, а также неудачи греков. Чем обусловлено было заключение мира в 449 г. до н.э.? Каковы условия Каллиева мира, обязательства обеих сторон? Был ли выгоден Афинам мир, был ли он почетен для них? Сформулируйте причины победы греков и ее значение.

ФРАГМЕНТЫ ИСТОЧНИКОВ ПО ТЕМЕ «ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ»

Предпосылки ионийского восстания

Геродот. История. Книга V.

30. Так-то паросцы примирили милетян. А теперь невзгоды, вновь разразившиеся над Ионией, начались из-за этих двух городов. Произошло же это вот как. Из Наксоса народ изгнал несколько богатых граждан. Изгнанники прибыли в Милет. Правителем же Милета был тогда Аристагор, сына Молпагора, зять и двоюродный брат Гистиея, Лисагорова сына, которого Дарий удерживал у себя в Сусах. Гистией ведь был тираном Милета и, когда эти наксосцы — прежние гостеприимцы Гистиея — прибыли в Милет, как раз находился в Сусах. Они стали просить Аристагора дать им какой-нибудь [отряд] войска, чтобы [с его помощью] вернуться на родину. Аристагор же сообразил, что, возвратив изгнанников, он может стать владыкой острова, и сказал им вот что (прикрывая свой замысел дружественными связями их с Гистиеем): «Сам я, конечно, не могу обещать вам выставить столь большое войско, чтобы вернуть вас из изгнания на Наксос против воли господствующей в городе партии. Ведь, как я слышу, у наксосцев есть 8000 гоплитов и много военных кораблей. Впрочем, я хочу сделать все, что возможно, и думаю действовать вот как. Артафрен — мой друг, а Артафрен, как вы знаете, — сын Гистаспа и брат царя Дария. Он повелевает всеми народами и городами на побережье Азии. Под его начальством большое войско и много кораблей. Этот-то человек, как я думаю, уж, конечно, сделает все, что мы его ни попросим». Услышав эти слова, наксосцы поручили Аристагору устроить это дело наилучшим образом. Артафрену они велели обещать подарки, а расходы на содержание войска, по их словам, они возьмут на себя. Они совершенно уверены далее, что появившись только [персы] у острова, как наксосцы тотчас же выполнят все их приказа-

ния так же, как и прочие островитяне. Тогда ведь ни один из Кикладских островов еще не был под властью Дария.

31. Итак, Аристагор прибыл в Сарды и рассказал Артафрену об острове Наксосе: «[Остров этот], правда, небольшой, но красивый и плодородный и находится поблизости от Ионии; здесь большие богатства и много рыбы. Поэтому выступи в поход на эту землю и возврати на остров изгнанников. И если ты только это сделаешь, то у меня есть много денег и помимо [сумм], назначенных на содержание войска (ведь эта-то обязанность по справедливости должна лежать на нас, предводителях). Затем ты сможешь завоевать царю не только Наксос, но и зависимые от него острова: Парос, Андрос и другие, так называемые Киклады. Отсюда ты легко сможешь напасть на Евбею — большой богатый остров, не меньше Кипра — и без труда его завоевать. Сотни кораблей довольно, чтобы захватить все эти острова». Артафрен же отвечал ему так: «Ты пришел в царский дом с добрыми вестями. Все, что ты советуешь, — хорошо. Только вместо сотни весной у тебя должно быть готово две сотни кораблей. Впрочем, на это следует испросить согласие самого царя».

32. Аристагор же, услышав такой ответ, чрезвычайно обрадованный, возвратился в Милет. А Артафрен послал [вестника] в Сусы сообщить царю предложение Аристагора. Дарий дал согласие, и Артафрен снарядил тогда 200 триер и большое войско из персов и союзников. Во главе войска царь поставил Мегабата, перса из рода Ахеменидов, двоюродного брата Артафрена и Дария. <...> Итак, назначив Мегабата военачальником, Артафрен послал войско Аристагору.

33. Мегабат же вместе с Аристагором, ионийским флотом и наксосскими изгнанниками отплыл из Милета, держа курс якобы к Геллеспонт. Дойдя до Хиоса, он бросил якорь у Кавкасов, чтобы с северным ветром переправиться оттуда на Наксос. Однако Наксосу не суждено было погибнуть при этом походе, и вот какой случай его спас. Обходя однажды сторожевые посты на кораблях, Мегабат на одном миндийском корабле вовсе не нашел стражи. В яростном гневе он приказал телохранителям схватить капитана этого корабля, по имени Скилак, связать его и просунуть через бортовой люк²⁵ таким образом, чтобы голова торчала снаружи, а туловище находилось внутри. Когда Скилак был уже связан, кто-то сообщил Аристагору, что Мегабат, мол, велел связать его гостеприимца из Минда и подвергнуть позорному наказанию. Аристагор явился к Мегабату и стал упрашивать простить Скилака. Но перс оставался неумолим, и тогда Аристагор пошел сам и освободил Скилака. Узнав об этом, Мегабат пришел в негодование и [теперь] обратил свой гнев на Аристагора. А тот сказал: «Что тебе до моих дел? Разве Артафрен не послал тебя, чтобы повиноваться мне и плыть, куда я прикажу? Зачем ты суетишься и суешься не в свое дело?». Так сказал Аристагор. А Мегабат в бешенстве с наступлением ночи отправил корабль на Наксос сообщить наксосцам все замыслы против них.

34. Наксосцы вовсе не ожидали, что этот флот нападет на них. Но теперь, получив такое известие, они немедленно перенесли все запасы хлеба с полей в город, заготовили для осады продовольствие и воду и восстановили городские стены. Так они подготовились к предстоящей войне. А когда враги из Хиоса переправились на кораблях к Наксосу, то нашли там все готовым к защите и осаждали город четыре месяца. Израсходовав, наконец, все привезенные с собой деньги (да и самому Аристагору пришлось также истратить огромные средства, а осада между тем поглощала все больше денег), персы построили наксосским изгнанникам крепость и с большим уроном вернулись в Азию.

35. Итак, Аристагор не смог выполнить своего обещания Артафрену. К тому же его угнетали еще и расходы на содержание войска, которые нужно было оплачивать; затем его беспокоили тяжелое состояние войска и тревожные опасения, что его ссора с Мегабатов будет стоить ему владычества над Милетом. Все эти опасения внушили Аристагору мысль поднять восстание против персов. <...>

36. <...> Аристагор собрал своих приверженцев на совет, изложил им свой замысел и рассказал о предложении Гистиея. Все остальные [присутствующие] соглашались с ним и советовали начать восстание. Только один логограф Гекатей был вообще против войны

с персидским царем. При этом Гекатей сначала перечислил все подвластные Дарию народности и указал на персидскую военную мощь. Затем, когда ему не удалось убедить совет, он предложил добиться по крайней мере хотя бы господства на море. По его словам, он не видит иной возможности успеха, так как ему прекрасно известна слабость военной силы милетян, как только взять из святилища в Бранхидах сокровища — посвященные дары лидийского царя Креза. Тогда-то, он совершенно уверен, Милет добьется господства на море, и таким образом и сокровища будут в их руках, и враги не смогут их разграбить. Сокровища же эти были весьма велики, как я уже рассказал в первой части моего труда. Этот совет милетяне также не приняли; тем не менее, они решили начать восстание. Один из милетян должен был отплыть в Миунт к флоту, возвратившемуся с Наксоса, и попытаться захватить военачальников на кораблях.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Какие события послужили поводом к восстанию Милета? Руководствовались ли предводители восстания интересами милетян?
2. Был ли Милет в достаточной степени подготовлен к восстанию?

Обращение Аристагора за помощью к балканским полисам

Геродот. История. Книга V.

49. Итак, Аристагор, тиран Милета, прибыл в Спарту, когда царем там был еще Клеомен. Вступив с царем в переговоры, Аристагор, по словам лакедемонян, принес с собой медную доску, где была вырезана карта всей земли, а также «всякое море и реки». И вот, явившись к царю, Аристагор сказал ему вот что: «Клеомен! Не удивляйся, что я столь поспешно прибыл сюда. Наше положение ужасно. То, что мы, дети ионян, стали из свободных людей теперь рабами — величайший позор и скорбь не только нам самим, но и для всех остальных эллинов, и особенно для вас, потому что вы стоите во главе Эллады. Поэтому заклинаю вас эллинскими богами: спасите единокровных ионян от рабства! Этого вы легко можете добиться. Ведь варвары вовсе не отличаются мужеством, вы же достигли высшей военной доблести. А сражаются варвары вот как: у них есть луки и короткие копья, в бой идут в штанах, с островерхими шапками на голове. Поэтому вы легко можете одолеть их. К тому же народы, обитающие на этом материке, гораздо богаче всех остальных: прежде всего — золотом, потом — серебром, медью, пестрыми одеждами, вьючными животными и рабами. Стоит вам лишь пожелать, и все это будет ваше. <...> К чему вам воевать за незначительные и даже скудные земли с равными вам по силам врагами, как мессенцы? Или с аркадцами и аргосцами, у которых нет ни золота, ни серебра, из-за чего вы готовы биться не на жизнь, а на смерть? Если есть возможность легко овладеть всей Азией, то к чему вам завоевывать другие земли?». Так говорил Аристагор, а Клеомен отвечал: «Друг из Милета! Подожди три дня, и я дам тебе ответ!».

50. На этом тогда дело и кончилось. Когда же наступил назначенный день для ответа и они встретились в условленном месте, Клеомен спросил Аристагора: «Сколько дней пути от берегов Ионийского моря до [столицы] персидского царя?». Тут Аристагор, человек, впрочем, хитрый, который сумел бы ловко обмануть царя, совершил ошибку. Ведь если он хотел завлечь спартанцев в Азию, то ему следовало бы скрыть истину, а он все-таки решил сказать правду, именно, что идти до царской столицы надо три месяца. Тогда Клеомен, не дав Аристагору закончить дальнейшую речь об этом пути, сказал: «Друг из Милета! Покинь Спарту до захода солнца! Ты хочешь завести лакедемонян в землю на расстоянии трехмесячного пути от моря: это совершенно неприемлемое условие для них!».

55. Между тем, покинув Спарту, Аристагор прибыл в Афины, которые тогда только что освободились от тиранов, именно вот каким образом. Гиппарха, сына Писистрата и брата тирана Гиппия, убили Аристоклитон и Гармодий по происхождению Гефиреи (Гип-

парху ясно предвозвестило его участь сновидение). После его смерти тирания в Афинах продолжала существовать еще четыре года и была не менее, а скорее даже более жестокой, чем прежде <...>.

96. Гиппий же после возвращения из Лакедемона прибыл в Азию и пустил все средства в ход против афинян: он клеветал на них Артафрену и делал все возможное, чтобы подчинить Афины себе и Дарию. Когда афиняне узнали о происках Гиппия, они отправили послов в Сарды, убеждая персов не верить афинским изгнанникам. Артафрен же велел передать послам: если афинянам дорога жизнь, то пусть они примут назад Гиппия. А афиняне наотрез отклонили эти предложения, сообщенные послами. Не согласившись же, они твердо решились открыто воевать с персами.

97. Как раз во время такого враждебного настроения к персам прибыл в Афины милетянин Аристагор, изгнанный из Спарты царем Клеоменом. Ведь этот город был тогда после Спарты самым могущественным из остальных эллинских городов. Аристагор явился в народное собрание и повторил то же самое, что он уже сказал в Спарте. Он говорил о богатствах Азии и о персидской военной тактике, о том, что в бою они не применяют ни щита, ни копья и поэтому их легко-де одолеть. К этому он добавил еще, что Милет — афинская колония и что долг Афин как могущественной державы спасти город. Аристагор давал всевозможные обещания и просил так настойчиво, пока не убедил афинян. Ведь многих людей, очевидно, легче обмануть, чем одного: одного лакедемонянина Клеомена ему не удалось провести, а 30 000 афинян он обманул. И вот, афиняне постановили поэтому послать на помощь ионянам 20 кораблей под начальством Меланфия, одного из самых уважаемых афинских граждан. А эти корабли стали началом всех бед для эллинов и варваров.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Какие аргументы приводил Аристагор, пытаясь убедить греков оказать помощь повстанцам?
2. Почему Клеомен отказал Аристагору? Какими мотивами руководствовались афиняне, согласившись помочь Милету?

Взятие Сард

Геродот. История. Книга V.

99. Аристагор же после прибытия афинян с 20 кораблями и в сопровождении 5 триер с Эретрии предпринял поход на Сарды. А эретрийцы примкнули к походу не в угоду афинянам, а ради самих милетян, которым они хотели отплатить за [старую] услугу. Милетяне ведь пришли на помощь эретрийцам в войне против халкидян, когда самосцы помогали халкидянам против эретрийцев и милетян. Так вот, когда прибыли афиняне и прочие союзники, Аристагор и начал поход на Сарды. Сам он, однако, не пошел с войском, но остался в Милете, передав главное командование двум другим милетянам: своему брату Харопину и другому горожанину — Гермофанту.

100. С этим флотом ионяне прибыли в Эфес; затем они оставили корабли в Коресе в Эфесской области, а сами с большим войском выступили в глубь страны, взяв себе в проводники эфесцев. Они шли вдоль реки Каистра, переправились затем через Тмол, прибыли в Сарды и взяли город беспрепятственно. Они захватили весь город, кроме акрополя. Акрополь же защищал сам Артафрен со значительной военной силой.

101. А, взяв город, эллины не разграбили его вот почему. Дома в Сардах были построены в большинстве из камыша, и даже у кирпичных домов были камышовые крыши. Когда какой-то воин поджег один из домов, огонь тотчас же распространился от дома к дому и охватил весь город. Когда же город загорелся, то жители — лидийцы и оставшиеся в городе персы, так как все кругом было охвачено пламенем и они не могли найти выхода, — стали сбегаться на рыночную площадь и к реке Пактолу (Пактол, несущий с собой

золотой песок, течет с Тмола через рыночную площадь и потом впадает в реку Герм, а та — в море). На рыночной площади у этого-то Пактола и собрались лидийцы и персы, вынужденные защищаться. А ионяне, видя, что враги обороняются, а часть даже большими толпами нападает на них, в страхе отступили к горе под названием Тмол, а оттуда под покровом ночи — к своим кораблям.

102. Сарды же стали добычей пламени, и вместе с городом погиб и храм местной богини Кибелы. Под предлогом сожжения этого храма персы впоследствии из мести предали огню святилища в Элладе. Тогда персидские сатрапы по сю сторону Галиса, узнав о вторжении ионян, собрали свои силы и выступили на помощь лидийцам. В Сардах же персы уже не нашли ионян и, следуя за ними по пятам, настигли их в Эфесе. Ионяне построились в боевом порядке, но в битве были разбиты наголову. Персы убили много знатных ионян и среди них Евалкида, военачальника эретрийцев, который одержал несколько побед в состязаниях и был воспет и прославлен Симонидом Кеосским. Уцелевшие после битвы ионяне рассеялись по своим городам.

103. Таким-то образом они сражались тогда. После этого афиняне оставили ионян на произвол судьбы. Когда же Аристагор стал настоятельно просить их через послов о помощи, то афиняне ответили, что не будут больше им помогать. Так ионяне лишились поддержки афинян, но, несмотря на это, они продолжали войну против царя.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Каким образом были взяты Сарды? Какая судьба постигла город?
2. Какие события последовали после взятия Сард? Почему войско повстанцев потерпело поражение?

Сражение у острова Лада

Геродот. История. Книга VI.

6. Так действовали Гистией и митиленцы. А против Милета между тем собиралось в поход огромное войско и флот персов. Персидские военачальники объединили свои силы и выступили против Милета, так как остальным городам они не придавали значения. Самыми лучшими мореходами в персидском флоте были финикияне; в походе участвовали также недавно покоренные киприоты, киликийцы и египтяне. Итак, персы пошли войной на Милет и на остальную Ионию.

7. Услышав об этом, ионяне послали своих представителей на собрание в Панионий. По прибытии туда советники обсудили дело и решили не выставлять общего сухопутного войска против персов: милетяне должны были сами защищать свой город с суши. Зато было решено снарядить флот, собрать все без исключения корабли и как можно скорее сосредоточить их у Лады для защиты Милета с моря (Лада — островок, лежащий близ Милета).

8. Затем прибыли ионяне на своих кораблях с воинами и вместе с ними эолийцы, живущие на Лесбосе. Построены же корабли были в таком вот порядке. Восточное крыло занимали сами милетяне со своими 80 кораблями. Рядом с ними стояли приенцы с 12 кораблями и 3 корабля жителей Миунта. Затем следовали 17 кораблей теосцев; за теосцами — хиосцы со 100 кораблями. Возле них выстроились эрифрейцы и фокейцы. Эритрейцы прислали 8 кораблей, а фокейцы 3. К фокейцам примыкали лесбосцы с 70 кораблями. Наконец, на заднем крыле стояли самосцы с 60 кораблями. Общее число всех кораблей ионян было 353.

9. Это были корабли ионян. У варваров же было 600 кораблей. Когда персидский флот и сухопутное войско прибыли в Милетскую землю, то военачальники персов, увидев множество ионийских кораблей, устремились и решили, что не в состоянии одолеть их. Не добившись господства на море, полагали они, им не взять Милета, и к тому же еще рискуют навлечь на себя за это немилость Дария. Поэтому персидские военачальники

призвали на совет ионийских тиранов (эти тираны, устраненные Аристагором из Милета, вынуждены были искать убежища у персов и теперь участвовали в походе на Милет). Вызвав тех из них, кто находился в персидском стане, персидские военачальники обратились к ним с такими словами: «Ионяне! Пусть каждый из вас проявит [свою преданность], оказав услугу царскому дому. Попробуйте склонить ваших сограждан к измене остальным союзникам. Сообщите им это и скажите, что им вовсе не грозит наказание за мятеж: персы не предадут огню ни храмы богов, ни их частное имущество и будут обращаться с ними, как и прежде, милостиво. А если они все же не пойдут на измену, но попытают счастья в битве, то пригрозите им тем, что их ожидает на самом деле. Ведь в случае поражения они сами будут проданы в рабство, сыновей их мы оскопим, дочерей уведем в Бактры, а их родную землю отдадим другим».

10. Так говорили персидские военачальники, а ионийские тираны разослали вестников к своим землякам передать им предложения персов. Ионяне же (до них дошли эти условия персов) из бессмысленной гордости не пожелали принять персидских условий и изменить союзникам: воины каждого города думали, что персы обращаются только к ним одним.

11. Это произошло как раз после прибытия персов к Милету. Затем ионяне, собравшись у Лады, стали держать совет. На этом совете, кроме некоторых других, выступил также военачальник фокейцев Дионисий и сказал так: «Наша участь висит на волоске: или мы будем свободными, или рабами и вдобавок еще беглыми! Поэтому пусть вас не страшат лишения; теперь вам, конечно, придется тяжело, но зато вы одолеете врага и завоюете свободу. Напротив, если вы проявите слабость и неповиновение, то я вовсе не надеюсь, что вам удастся избежать суровой кары царя за восстание. Итак, послушайте же моего совета и доверьтесь мне. И я вам обещаю: если только есть на свете божественная справедливость, то враг или не посмеет вступить в бой, а если сделает это, то будет разбит наголову».

12. После этой речи ионяне подчинились приказанию Дионисия. Дионисий же каждый раз, выставляя свои корабли в открытом море в одну линию [кильватерной колонной], заставлял одни корабли проходить на веслах между другими, применяя силу гребцов. При этом он выстраивал воинов [на борту] в полном вооружении. Остальную часть дня он приказывал кораблям стоять на якоре, заставляя воинов целый день трудиться. Семь дней подряд ионяне не выходили из повиновения, выполняя приказания Дионисия. На восьмой же день, истомленные мучительным трудом под палящим зноем, они подняли ропот, рассуждая между собою так: «Какое божество мы оскорбили, что претерпеваем такие муки. Мы совершенно сошли с ума, подчинившись этому болвану фокейцу, который выставил всего лишь три корабля. Став нашим начальником, он принялся унижать и мучить нас, и, как видно, много людей уже занемогло, а другим еще придется испытать ту же участь. Лучше терпеть любую напасть, чем такие мучения! Лучше даже будущее рабство (как бы тяжело оно ни было), чем теперешние муки. Давайте же перестанем ему подчиняться!».

Так рассуждали ионяне, и после этого никто уже не хотел повиноваться Дионисию. Тогда ионяне, разбив палатки на острове (подобно сухопутному войску), стали в тени предаваться неге, не желая больше возвращаться на корабли для учений.

13. Когда самосские военачальники слышали о таком [настроении] и делах у ионян, то по совету Эака, сына Силосонта, решили (Эак ведь уже раньше по приказанию персов предлагал им покинуть ионян) разорвать союз с ионянами. Самосцы приняли это предложение как из-за полного развала дисциплины у ионян, так и от того, что теперь им стало совершенно ясно: одолеть царя они не могут. Ведь они хорошо знали, что одолеть они даже теперешний флот [Дария], то явится другой, впятеро больший. Итак, лишь только самосцы заметили, что ионяне не проявляют мужества, то нашли в этом предлог [для измены]: ведь для них было важнее всего спасти от гибели храмы богов и свое имущество. Эак же, совет которого изменить [союзникам] самосцы приняли, был сыном Силосонта, вну-

ком Эака и тираном Самоса. Его, как и других ионийских тиранов, лишил власти Аристарх из Милета.

14. Итак, когда финикийские корабли напали, ионяне также выступили навстречу врагу, построив свои корабли в два ряда один за другим. Затем противники стали сближаться и вступили в бой. Я не могу, однако, теперь точно сказать, кто из ионян в этой битве оказался трусом и кто проявил доблесть: ведь одни стараются переложить вину на других. Во всяком случае передают, что все самосские корабли, кроме одиннадцати, по уговору с Эаком подняли паруса и, покинув боевой строй, взяли курс на Самос. Триерархи этих кораблей вопреки приказу своих военачальников остались и приняли участие в битве. И за этот доблестный подвиг власти самосцев повелели начертать на столпе их имена с прибавлением отчества, а столп этот стоит у них на рыночной площади. Заметив бегство соседей, лесбосцы также последовали за самосцами. Так же поступило и большинство [кораблей других городов] ионян.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Опираясь на данные Геродота, опишите ход морского сражения.
2. В чем заключались причины поражения восставших?

Взятие Милета

Геродот. История. Книга VI.

18. Между тем после победы в морской битве над ионянами персы принялись осаждать Милет с суши и с моря. Они стали делать подкоп стен и подвезли всевозможные осадные орудия. На шестой год после восстания Аристагора персам удалось целиком [вместе с акрополем] овладеть городом. Жителей они обратили в рабство, так что сбылось прорицание оракула, данное Милету.

19. Тогда-то и разразилась над милетянами эта беда, так как большую часть их мужчин умертвили персы, носившие длинные волосы, а жен и детей их обратили в рабство. Священный же храмовый участок, а также храм и прорицалище были разграблены и преданы огню. О сокровищах этого храма я уже нередко упоминал в другой части моего повествования.

20. Захваченных в плен милетян персы затем повели в Сусы. Царь Дарий, впрочем, не причинил им больше никакого зла. Он поселил их у так называемого Красного моря в городе Ампе; мимо этого города протекает река Тигр при впадении в море. В Милетской же области персы взяли себе самый город и окрестную равнину, а горную местность отдали во владение карийцам из Педас.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Каким образом, по описанию Геродота, был взят Милет?
2. Как были наказаны жители восставшего города?

Поход Мардония

Геродот. История. Книга VI.

43. С наступлением весны после смещения царем других главных военачальников Мардоний, сын Гобрива, выступил к морю с огромным сухопутным войском и большим флотом. Мардоний был еще молодой человек и только недавно вступил в брак с дочерью Дария Артозострой. Прибыв с этим войском в Киликию, сам Мардоний сел на корабль и продолжал дальнейший путь с флотом. Сухопутное же войско с другими военачальниками во главе двигалось к Геллеспонту. А Мардоний между тем плыл вдоль побережья Азии

и достиг Ионии. Здесь-то и произошло нечто такое, что я назову самым поразительным событием для тех эллинов, которые не желали верить, будто Отан предложил семи персам ввести демократию в Персии. И действительно, Мардоний низложил всех ионийских тиранов и установил в городах демократическое правление. Совершив такой переворот, Мардоний поспешил дальше к Геллеспонту. После того как на Геллеспонте собралось множество кораблей, а также большие сухопутные силы, персы переправились на кораблях через пролив и затем двинулись по Европе, а именно на Эретрию и Афины.

44. Города эти явились, однако, лишь предлогом для похода. В действительности же персы стремились покорить как можно больше эллинских городов. Сначала, как известно, они при помощи флота подчинили фасосцев, которые даже не подумали оказать сопротивление. Затем сухопутное войско прибавило к числу прочих поработанных народностей еще и македонян (ведь все племена к востоку от Македонии были уже во власти персов). От Фасоса персы переправились на противоположный берег и поплыли вдоль побережья дальше до Аканфа, а от Аканфа стали огибать Афон. В пути, однако, на персидский флот обрушился порыв сильного северо-восточного ветра, который нанес ему страшные потери, выбросив большую часть кораблей на афонские утесы. При этом, как передают, погибло 300 кораблей и свыше 20 000 человек. Море у афонского побережья полно хищных рыб, которые набрасывались на [плавающих людей] и пожирали их. Другие разбивались о скалы, иные же тонули, не умея плавать, а иные, наконец, погибали от холода. Так-то нашел свою гибель персидский флот.

45. Ночью же стан Мардония в Македонии подвергся нападению фракийцев из племени бригов. Много персов при этом было перебито, и сам Мардоний ранен. Бриги, впрочем, все же не избежали персидского ига: Мардоний покинул эту страну, только окончательно покорив ее жителей. После этого ему пришлось отступить с войском, так как сухопутные силы понесли тяжелые потери от бригов, а флот потерпел жестокое крушение у берегов Афона. Итак, этот поход окончился позорной неудачей, и войско возвратилось в Азию.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Каких успехов удалось добиться Мардонию?
2. Каковы были причины неудачи похода? Какие потери понесло персидское войско?

Поход Датиса и Артаферна

Геродот. История. Книга VI.

94. <...> Между тем персидский царь стал приводить в исполнение свои замыслы. Ведь слуга постоянно напоминал царю не забывать об афинянах, а Писистратиды не переставали клеветать на афинян и возбуждать против них Дария. Вместе с тем Дарий намеревался под предлогом похода на афинян подчинить и других эллинов, которые не дали ему земли и воды. За неудачу в походе царь отстранил Мардония от должности. На его место он назначил двух новых военачальников, именно мидянина Датиса и Артаферна, сына Артаферна, своего племянника, и затем отправил их против Эретрии и Афин. Послал же их царь с приказанием обратить в рабство жителей Афин и Эретрии и привести пред его царские очи.

95. Эти назначенные вновь военачальники во главе многочисленного и прекрасно снаряженного войска прибыли на Алейскую равнину в Киликии. Пока они стояли там станом, подошел и весь флот (каждый приморский город был обязан выставлять корабли). Прибыли также и грузовые суда для перевозки лошадей (эти суда Дарий велел построить в прошлом году своим данникам). Погрузив лошадей на эти суда и посадив пехотинцев на корабли, персы отплыли на 600 триерах в Ионию. Оттуда, однако, они взяли курс не прямо вдоль берегов Геллеспонта и Фракии, но из Самоса поплыли мимо Икара от острова к

острову. Как мне кажется, они прежде всего страшились объезда вокруг Афона, где в прошлом году им пришлось испытать великое бедствие. Кроме того, и Наксос, все еще не захваченный, вынуждал их держаться этого курса.

96. Из Икарийского моря персы подошли к Наксосу (на этот остров они прежде всего решили напасть). Наксосцы же, помня прежнюю осаду, не стали ждать нападения и бежали в горы. Персы же обратили в рабство попавшихся в их руки жителей и сожгли святилище и город. Затем они отплыли к другим островам.

97. Тем временем делосцы, так же как наксосцы, покинув свой остров, поспешно бежали на Тенос. Когда персидский флот появился [у острова], Датис, плывший впереди, приказал кораблям не бросать якорей возле острова, но по другую сторону, у Ренеи. Сам же Датис, узнав, где находятся делосцы, велел через глашатая сказать им следующее: «Жители священного острова! Зачем вы убегаете, подозревая меня в недостойных замыслах. Ведь я и сам настолько благоразумен, да и царь приказал мне: отнюдь не разорять этой страны, родины этих двух божеств, и не обижать ее жителей. Так вот, возвращайтесь в ваши дома и живите на острове». Это Датис велел сообщить делосцам через глашатая. Затем, возложив на алтарь 300 талантов благовоний, он воскурил фимиам.

98. После этого жертвоприношения Датис отплыл со своими кораблями, на которых находились ионяне и эолийцы, сначала в Эретрию.

99. Отплыв с Делоса, варвары приставали к островам, набирали там войско и брали в заложники детей островитян. Так, плывя от острова к острову, они прибыли к Каристу. Каристийцы ведь не дали персам заложников и отказывались воевать против соседних городов, именно против Эретрии и Афин. Поэтому персы начали осаждать их город и опустошать их землю, пока каристийцы не подчинились.

100. Когда эретрийцы узнали, что персидский флот плывет против них, то обратились за помощью к афинянам. Афиняне же не отказали в поддержке и послали на помощь 4000 своих клерухов, владевших землей халкидских гиппоботов. Это решение эретрийцев, по-видимому, было вовсе неразумным: ведь они призвали на помощь афинян, но согласия между ними не было. Одни хотели покинуть город и бежать в горы на Эвбее, а другие в надежде на личные выгоды от персов замыслили измену. Один влиятельный эретриец — Эсхин, сын Нофона, осведомленный об этих замыслах, сообщил прибывшим афинянам о положении дел; он просил афинян вернуться домой, чтобы не погибнуть вместе с ними. Афиняне же послушались этого совета Эсхина.

101. Они переправились в Ороп и спаслись. Персы же пристали к берегу у Тамин, Херей и Эгилии в Эретрийской области. Овладев этими местечками, персы тотчас же стали высаживать свою конницу и приготовились к битве. Эретрийцы же решили не выходить из города и не вступать в бой. Они заботились только о защите своего города, так как в конце концов приняли решение не покидать его. Шесть дней шла жестокая схватка у стен города и с обеих сторон пало много воинов. На седьмой же день Евфорб, сын Алкимаха, и Филагр, сын Киней, — два знатных эретрийских горожанина — предали город персам. Персы вошли в город, разграбили и сожгли храм в возмездие за сожженное святилище в Сардах, а жителей по повелению Дария обратили в рабство.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Полагаясь на сведения Геродота, проследите маршрут похода Датиса и Артаферна по карте.
2. Какие территории были подчинены персами?

Битва при Марафоне

Геродот. История. Книга VI.

102. После подчинения Эретрии персы простояли там несколько дней и затем отплыли дальше к Аттике. Они загоняли афинян в теснины, полагая, что те поступят так же,

как эретрийцы. Наиболее удобным местом для действий конницы в Аттике был Марафон, к тому же находившийся ближе всего к Эретрии. Туда и вел их Гиппий, сын Писистрата.

103. Узнав об этом, афиняне также двинулись к Марафону. Во главе их войска стояло десять стратегов. Десятый был Мильтиад. Отец его Кимон, сын Стесагора, был изгнан из Афин Писистратом, сыном Гиппократа. Во время изгнания ему случилось победить в Олимпии [в состязании] с четверкой коней. Одержав эту победу, Кимон получил такую же награду, что и его единоутробный брат Мильтиад.

104. Итак, этот-то Мильтиад после возвращения из Херсонеса был тогда стратегом афинян. Дважды ему удалось избежать смерти: первый раз финикийцы преследовали его до Имброса, во что бы то ни стало стараясь захватить и доставить к царю. Затем, избежав преследования финикийцев, он возвратился на родину и чувствовал себя уже в безопасности. Тогда враги схватили его и предали суду по обвинению в тирании на Херсонесе. Однако Мильтиаду удалось оправдаться и от этих обвинений, и он по народному избранию был назначен афинским стратегом.

105. Находясь еще в походе, стратеги прежде всего отправили в Спарту глашатаем афинянина Фидиппида, который был скороходом и сделал себе из этого даже ремесло <...>

106. Итак, посланный стратегами из Афин, этот Фидиппид (по дороге, как он говорил, ему явился Пан) на второй день прибыл в Спарту. Там он предстал перед властями и сказал вот что: «Лакедемоняне! Афиняне просят вас помочь им и не допустить порабощения варварами древнейшего города в Элладе. Ведь Эретрия уже несет ярмо рабства, и Эллада стала беднее одним знаменитым городом». Так Фидиппид исполнил данное ему поручение; лакедемоняне же решили помочь афинянам. Тотчас же они, однако, не могли этого сделать, не желая нарушить закон. Это ведь был как раз девятый день первой половины месяца, а в девятый день, говорили они, нельзя выступать в поход, если луна будет неполной.

107. Так вот, лакедемоняне ждали полнолуния, а Гиппий, сын Писистрата, тем временем вел варваров к Марафону. <...>

109. Между тем мнения афинских стратегов разделились: одни высказались против битвы с мидийским войском, так как афиняне были слишком малочисленны; другие же (в том числе Мильтиад), напротив, советовали принять бой. Когда мнения так разошлись и верх стало брать худшее предложение, Мильтиад обратился к одиннадцатому участнику голосования, избранному афинянами по жребию полемархом (афиняне ведь издревле давали полемарху равное право голоса со стратегами). Полемархом же был тогда Каллимах из Афин. К нему-то и пришел Мильтиад и сказал вот что: «В твоих руках, Каллимах, сделать афинян рабами или же, освободив их, воздвигнуть себе памятник навеки, какого не воздвигали себе даже Гармодий и Аристокитон. Ведь с тех пор как существуют Афины, никогда еще им не грозила столь страшная опасность, как теперь. Если афиняне покорятся мидянам и снова попадут под власть Гиппия, то участь их решена. Если же наш город одолеет персов, то станет самым могущественным из эллинских городов. Как это возможно и почему именно решение в твоей власти, я сейчас тебе объясню. Мы — десять стратегов — разошлись во мнениях: одни советуют дать битву, а другие — нет. Если мы теперь же не решимся на битву, то я опасюсь, что нахлынет великий раздор и так потрясет души афинян, что они подчинятся мидянам. Если же мы сразимся с врагом, прежде чем у кого-либо [из афинян] возникнет гнусный замысел [изменить], то мы одолеем, так как ведь существует же божественная справедливость. Все это теперь в твоей власти и зависит от тебя. Присоединись к моему совету, и твой родной город будет свободен и станет самым могущественным городом в Элладе. А если ты станешь на сторону противников битвы, тогда, конечно, мы погибем».

110. Этими словами Мильтиад привлек Каллимаха на свою сторону. Когда полемарх присоединил свой голос в поддержку Мильтиада, то было окончательно решено дать бой врагу. Потом стратеги, голосовавшие за битву, когда пришел их черед быть главноко-

мандующими, уступили главное начальство Мильтиаду. А тот хотя и принял главное начальство, но все еще не начинал сражения, пока очередь командовать не дошла до него самого.

111. И вот, когда пришел по кругу черед командовать Мильтиаду, афиняне выстроились в боевом порядке для битвы вот как: начальником правого крыла был полемарх Каллимах (у афинян существовал тогда еще обычай полемарху быть во главе правого крыла). За правым крылом во главе с Каллимахом следовали [аттические] филы одна за другой, как они шли по счету. Последними выстроились на левом крыле платейцы. Со времени этой битвы у афинян вошло в обычай, чтобы в Панафинейский праздник, справляемый каждый пятый год, при жертвоприношении афинский глашатай произносил молитву о даровании благ платейцам и афинянам. В то время когда афиняне строились в боевой порядок, на Марафонском поле случилось вот что: боевая линия эллинов оказалась равной персидской, но при этом центр ее составлял только немного рядов в глубину; здесь боевая линия была слабее всего, зато на обоих крыльях воины стояли более плотно.

112. Окончив боевое построение, после того как выпали счастливые предзнаменования, афиняне быстрым шагом по данному сигналу устремились на варваров. Расстояние же между обоими противниками было не меньше 8 стадий. При виде подходящих быстрым шагом врагов персы приготовились отразить атаку. Поведение афинян персам казалось безумным и даже роковым, так как врагов было немного и притом они устремлялись на персов бегом без прикрытия конницы и лучников. Так думали варвары. Афиняне бросились на врагов сомкнутыми рядами врукопашную и бились мужественно. Ведь они первыми из всех эллинов, насколько мне известно, напали на врагов бегом и не утрастились вида мидийского одеяния и воинов, одетых по-мидийски. До сих пор даже ведь одно имя мидян приводило в страх эллинов.

113. Битва при Марафоне длилась долго. В центре боевой линии, где стояли сами персы и саки, одолевали варвары. Здесь победители прорвали ряды афинян и стали преследовать их прямо в глубь страны. Однако на обоих крыльях одерживали верх афиняне и платейцы. После победы афиняне не стали преследовать обратившихся в бегство врагов, но, соединив оба крыла, сражались с врагами, прорвавшими центр. И здесь также победили афиняне. Затем они начали преследовать и рубить бегущих персов, пока не достигли моря. Здесь они старались напасть на корабли и поджечь их.

115. Семь кораблей захватили таким образом афиняне. На остальных же варвары снова вышли в море. Затем, захватив с собой оставленных на острове пленников в Эретрии, персы стали огибать Суний, стремясь прибыть к Афинам раньше афинского войска. Афиняне подозревали, что персы задумали этот [маневр] по коварному наущению Алкмеонидов: говорили, что Алкмеониды, условившись с персами, когда те уже были на кораблях, дали им сигнал щитом.

116. Пока персы огибали Суний, афиняне со всех ног спешили на защиту родного города и успели прибыть туда раньше варваров. И как они прибыли от святилища Геракла в Марафоне, так теперь остановились и разбили стан у другого Гераклова святилища, что в Киносарге. Варварский же флот появился и стал против Фалера (тогда это была гавань афинян); затем, простояв на якоре в открытом море выше Фалера, варвары отплыли назад в Азию.

117. В этой битве при Марафоне пало около 6400 варваров, афиняне же потеряли 192 человека. Таковы были потери обеих сторон. Случилось в этой битве также удивительное происшествие. Один афинянин, по имени Эпизел, сын Куфагора, доблестно сражавшийся в битве, лишился зрения, не будучи поражен ни мечом, ни стрелой. С этого времени он ослеп и остался слепым на всю остальную жизнь. Как я слышал, он сам рассказывал об этом приблизительно вот что: предстал ему тяжелооруженный воин огромного роста, борода которого закрывала весь щит. Призрак этот прошел, однако, мимо него, но поразил стоявшего с ним рядом воина. Так, говорили мне, рассказывал Эпизел.

120. После полнолуния прибыло в Афины 2000 лакедемонян. Они двигались так быстро, стараясь прийти вовремя, что были уже на третий день по выступлении из Спарты на Аттической земле. Несмотря на то, что спартанцы опоздали к сражению, они все же хотели посмотреть на павших мидян. Они прибыли в Марафон, осмотрели поле битвы и затем, воздав хвалу афинянам за победу, возвратились домой.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Граждане каких греческих полисов сражались в марафонской битве вместе с афинянами? Оказала ли Спарта помощь Афинам?
2. Почему командование войсками было поручено Мильтиаду? Что Вы можете рассказать, опираясь на Геродота, о жизни этого полководца.
3. При опоре на данные источника, кратко опишите ход сражения.
4. Каковы были потери обеих сторон в этой битве? Насколько, на ваш взгляд, объективны данные источника о численности погибших?

Начало похода Ксеркса

Геродот. История. Книга VII

20. После покорения Египта полных четыре года потребовалось Ксерксу на снаряжение и набор войска. На исходе же пятого года царь выступил в поход с огромными полчищами. Это было, безусловно, самое большое войско из известных нам. С этим войском не могло сравниться ни войско Дария [в походе] на скифов, ни скифское войско, когда скифы, преследуя по пятам киммерийцев, вторглись в Мидийскую землю и, покорив почти всю Переднюю Азию, там поселились (из-за чего впоследствии Дарий и выступил в поход отомстить скифам). Точно так же, по сказанию, [было гораздо меньше] и войско Атридов в походе на Илион, и мисийцев, и тевкров (они еще до Троянской войны переправились в Европу по Боспору, покорили всех фракийцев, дошли до Ионийского моря и на юге — до реки Пеней).

21. Эти и другие походы нельзя сравнить с одним этим походом. Действительно, какой только народ не привел Ксеркс из Азии в Элладу? Разве не оказалось питьевой воды слишком мало для Ксерксова войска всюду, кроме больших рек? Ведь одни народы должны были снаряжать корабли, другим было приказано выставить пеших воинов, третьим — конницу, четвертым, кроме войска, — грузовые суда для перевозки лошадей, пятым должны были доставлять длинные суда для мостов и, наконец, шестые — продовольствие и грузовые суда.

22. Так как в первый раз флот персов понес тяжелые потери, огибая Афон, то уже заранее почти три года подряд велись работы с целью прорыть Афонский перешеек. В Элеунте, что на Херсонесе, стояли на якоре триеры. Отправляясь оттуда, все разноплеменные войска под ударами бичей должны были прокапывать [перешеек], причем одни воины приходили на смену другим. Персы заставляли копать также и жителей Афона. Персы Бубар, сын Мегабаза, и Артахей, сын Артея, руководили работами.

23. Копали варвары канал таким вот образом: разделив отдельные участки между разными народностями, они протянули затем прямую линию по каналу. Когда прокопанный ров стал глубоким, то одни рабочие, стоявшие ниже, продолжали копать, другие же передавали выкапываемую землю стоявшим выше на ступенях; последние принимали и передавали далее следующим, пока земля не попадала к стоящим наверху. Эти же выносили и выбрасывали землю.

24. Если мое предположение правильно, то Ксеркс велел копать канал просто из пустого тщеславия. Он желал показать свое могущество и воздвигнуть себе памятник. Хотя корабли легко можно было протащить волоком через перешеек, царь все же повелел построить канал такой ширины, что по нему одновременно могли плыть две триеры на

веслах. Тем же самым людям, работавшим на канале, было приказано построить мост на реке Стримоне. <...>

26. Пока эти люди выполняли урочную работу, все сухопутное войско во главе с Ксерксом собралось и двинулось на Сарды из Криталлов в Каппадокии. Ведь Криталлы были назначены местом сбора всего войска, которое под предводительством Ксеркса должно было идти по суше. Какой сатрап привел тогда наилучше снаряженное войско и получил за это назначенные царем дары — этого я сказать не могу. Я даже не знаю, была ли у них вообще речь о таком соревновании. Когда персы направились через реку Галис, то вступили во Фригию и затем прибыли в Келены. <...>

30. Так сказал царь и сдержал свое слово. Затем он пошел с войском дальше. Пройдя фригийский город Анаву и озеро, из которого добывают соль, Ксеркс прибыл в Колоссы, большой город Фригии. В этом городе река Лик низвергается в расщелину и исчезает под землей. Затем приблизительно через 5 стадий эта река снова выходит на поверхность и впадает в Меандр. Выступив из Колоссов, войско двинулось к границам Фригии и Лидии и прибыло в город Кидрары, где находится врытый в землю столп, воздвигнутый Крезом, с надписью, обозначающей эти границы.

31. Из Фригии Ксеркс вступил в Лидию, где дорога разделяется. Налево ведет путь в Карию, а направо — в Сарды.

32. По вступлении же в Сарды Ксеркс, прежде всего, отправил послов в Элладу потребовать земли и воды с приказанием позаботиться о дружественном приеме царя. Он отправил послов требовать земли во все другие города, кроме Афин и Лакедемона. Вновь же отправил он послов с требованием земли и воды вот по какой причине: он твердо надеялся, что те города, которые раньше отказались подчиниться Дарию, теперь из страха согласятся. И вот, желая точно убедиться в этом, Ксеркс и отправил послов.

33. Затем Ксеркс начал готовиться к походу на Абидос. Между тем мост через Геллеспонт из Азии в Европу, соединявший оба материка, был построен [финикиянами и египтянами]. На Херсонесе (что на Геллеспонте) между городами Сестом и Мадитом находится скалистый выступ против Абидоса. Это то самое место, где незадолго до этого афиняне под начальством стратега Ксантиппа, сына Арифрона, захватили перса Артаикта, сатрапа Сеста, и живым распяли на кресте, того самого перса, который велел согнать женщин в святилище Протесилая в Элеунте и там поступил с ними нечестиво.

34. Итак, к этому скалистому выступу из Абидоса людьми, которым это было поручено, были построены два моста. Когда же, наконец, пролив был соединен мостом, то разразившаяся сильная буря снесла и уничтожила всю эту постройку.

35. Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударов бича, и затем погрузить в открытое море пару оков. Передают еще, что царь послал также палачей заклеить Геллеспонт клеймом. Впрочем, верно лишь то, что царь велел палачам сечь море, приговаривая при этом варварские и нечестивые слова: «О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет. По заслугам тебе, конечно, ни один человек не станет приносить жертв, как мутной и соленой реке». Так велел Ксеркс наказывать это море, а надзирателям за сооружением моста через Геллеспонт — отрубить головы.

36. И палачи, на которых была возложена эта неприятная обязанность, исполнили царское повеление. Мосты же вновь соорудили другие зодчие. <...>

41. На этой колеснице Ксеркс выступил из Сард. Впрочем, царь переходил как ему заблагорассудится с колесницы в крытую дорожную повозку. Позади царя следовала 1000 копьеносцев, самые доблестные и знатные персы, по обычаю держа копье кверху. Затем шла другая 1000 отборных персидских всадников, а после всадников 10 000 пеших воинов, отобранных из остального войска персов. Из них у 1000 человек на нижнем конце копий были золотые гранатовые яблоки. Эти воины окружали остальных кольцом. У 9000 воинов, шедших в середине, были серебряные гранатовые яблоки [на нижних концах ко-

пий]. Были также золотые гранатовые яблоки и у копьеносцев с копьями, обращенными вниз к земле. Ближайшая свита Ксеркса имела золотые яблоки [вместо гранатов]. За этими 10 000 следовало 10 000 персидской конницы. За конницей образовывался опять промежуток в 2 стадии и, наконец, шли все остальные нестройные полчища. <...>

55. После этого войско приступило к переправе. Пешее войско и вся конница шли по одному мосту в сторону Понта, а по другому — в сторону Эгейского моря переправлялись вьючные животные и обоз. Во главе выступало 10 000 персидских воинов; все они были увенчаны венками. За ними вперемежку следовали разноплеменные полчища. Шли они весь этот первый день. А на следующий сначала переправлялись всадники и копьеносцы с копьями, обращенными вниз. Эти воины были также увенчаны венками. За ними двигались священные кони и священная колесница, затем — сам Ксеркс с копьеносцами и 1000 всадников и, наконец, остальное войско. Одновременно и корабли поплыли к другому берегу. Впрочем, я слышал также, что Ксеркс переправился самым последним.

56. Переправившись в Европу, Ксеркс стал наблюдать переправу своего войска, [двигавшегося] по мосту под ударами бичей. Продолжался переход царского войска семь дней и семь ночей без отдыха. При этом, как передают, когда Ксеркс уже находился на другой стороне Геллеспонта, какой-то геллеспонтиец сказал ему: «Зевс! Почему ты в облике перса, приняв имя Ксеркса, желаешь опустошить Элладу и ведешь с собой полчища всего мира? Ведь это ты мог бы совершить и без них!».

58. Корабли отплыли за пределы Геллеспонта и шли вдоль побережья в направлении, противоположном войску, именно они плыли на запад, держа курс на Сарпедонский мыс, где им было приказано ожидать сухопутное войско. Войско же направлялось на восток через Херсонес. Оставив на правой стороне могильный памятник Геллы, дочери Афаманта, а налево — город Кардию, войско прошло посередине города под названием Агора. Затем оно обогнуло залив по имени Мелас и реку Мелас. Воды в реке было недостаточно для войска, и река иссякла. Перейдя эту реку, от которой и название залива, войско повернуло на запад. Затем мимо эолийского города Эноса и Стенторийского озера оно прибыло в Дориск. <...>

60. Сколь велика была численность полчищ каждого народа, я точно сказать не могу, потому что об этом никто не сообщает. Общее же количество сухопутного войска составляло 1 700 000 человек. <...>

82. Итак, военачальниками были эти названные мною люди. Во главе же их и всего сухопутного войска стояли Мардоний, сын Гобрива; Тритантехм, сын Артабана, который подал совет против похода на Элладу; Смердомен, сын Отана (оба они — сыновья братьев Дария, двоюродные братья Ксеркса); Масист, сын Дария и Атоссы; Гергис, сын Ариаса, и Мегабиз, сын Зопира. <...>

83. Это были начальники всего сухопутного войска, кроме 10 000 персов. Во главе этого отряда 10 000 отборных персидских воинов стоял Гидарн, сын Гидарна. Этот отряд персов называли «бессмертными», и вот почему. Если кого-нибудь постигала смерть или недуг и он выбывал из этого числа, то [на его место] выбирали другого и [потому в отряде] всегда бывало ровно 10 000 воинов — не больше и не меньше. Из всех народностей лучше всего держали боевой порядок персы, и они были самыми доблестными. Снаряжение их было такое, как я уже сказал, а кроме того, они блистали множеством роскошных золотых украшений. Их сопровождали повозки с наложницами и множеством прислуги в богатых одеждах. Продовольствие для них везли (отдельно от прочих воинов) на верблюдах и вьючных животных. <...>

87. Только одни эти народности служили в коннице. Численность же конницы составляла 80 000 всадников, не считая верблюдов и колесниц. Всадники [других народностей] были построены эскадронами, арабские же [всадники] стояли последними. Ведь кони не могли выносить верблюдов, и, чтобы кони не пугались, их поставили позади. <...>

89. Число триер [во флоте Ксеркса] было 1207. <...>

121. Все же эллинским городам под давлением необходимости приходилось выполнять царское повеление. Ксеркс же отдал приказ военачальникам флота отплыть из Аканфа и ожидать его в Ферме. А Ферма лежит именно в Фермейском заливе (от нее и залив этот получил свое название). Ведь, как царь узнал, через Ферму проходил самый короткий путь для войска. От Дориска до Аканфа войско двигалось в таком порядке: все сухопутное войско Ксеркс разделил на три части. Одной части он приказал идти вместе с флотом вдоль побережья. Во главе этого отряда стояли Мардоний и Масист. Вторая часть войска под предводительством Тритантехма и Геггиса шла дорогой, ведущей в глубь страны. Третья же часть, с которой следовал сам Ксеркс, под начальством Смердомена и Мегабиза двигалась посредине между двумя первыми.

122. Итак, флот был отослан Ксерксом и прошел Афонским каналом в залив, где лежат города Асса, Пилор, Синг и Сарта. Взяв из этих городов также [пополнение] для команды, корабли поплыли дальше в Фермейский залив. Затем, обогнув мыс Амвел у Тороны, флот миновал следующие эллинские города: Торону, Галепс, Сермилу, Мекиберну и Олинф. Из всех этих городов были взяты корабли и команды. Область эта называется Сифонией.

133. В Афины же и в Спарту Ксеркс не отправил глашатая с требованием земли [и воды], и вот по какой причине. Когда Дарий прежде отправил туда послов, требуя покорности, то афиняне сбросили их в пропасть, а спартанцы — в колодезь и велели им оттуда принести [царю] землю и воду. Поэтому-то Ксеркс теперь и не послал к ним глашатаев с требованием покорности. Какое несчастье постигло афинян за их поступок, я не могу сказать, кроме того, что их земля и сам город были разорены. Впрочем, мне думается, опустошение [Аттики] произошло не из-за этого.

134. <...> Тогда выступили Сперхий, сын Анериста, и Булис, сын Николая, знатного рода и богатые спартанцы. Они добровольно вызвались понести наказание от Ксеркса за умерщвление в Спарте глашатаев Дария. Так спартанцы отослали этих людей в Мидийскую землю на смерть. <...>

138. О походе царя говорили, будто он направлен только против Афин, на самом же деле персы шли против всей Эллады. Эллины уже давно знали об этом по слухам, но не могли объединиться для совместных действий. Некоторые из них уже дали персидскому царю [в знак покорности] землю и воду и поэтому полагали, что варвары не причинят им вреда. Те же, которые этого не сделали, жили в великом страхе, так как во всей Элладе не доставало боевых кораблей, чтобы дать отпор врагу. Большинство эллинских городов вообще не желало воевать, но открыто сочувствовало персам.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Охарактеризуйте состав и численность персидского войска.
2. Опираясь на сведения источника, проследите по карте маршрут войска Ксеркса до вступления в Фессалию.
3. Какие дипломатические шаги предпринял Ксеркс при подготовке похода? Увенчались ли эти мероприятия успехом?
4. Какие эпизоды, характеризующие власть Ксеркса как деспотичную, приводит Геродот?

Подготовка греков к столкновению с Ксерксом

Геродот. История. Книга VII.

139. Поэтому я вынужден откровенно высказать мое мнение, которое, конечно, большинству придется не по душе. Однако я не хочу скрывать то, что признаю истиной. Если бы афиняне в страхе перед грозной опасностью покинули свой город или, даже не покидая его, сдались Ксерксу, то никто [из эллинов] не посмел бы оказать сопротивления персам на море. Далее, не найди Ксеркс противника на море, то на суше дела сложились

бы вот как: если бы даже и много «хитонов стен» пелопоннесцам удалось воздвигнуть на Истме, то все же флот варваров стал бы захватывать город за городом и лакедемоняне, покинутые на произвол судьбы союзниками (правда, не по доброй воле, но в силу необходимости), остались бы одни. И вот покинутые всеми, лакедемоняне после героического сопротивления все-таки пали бы доблестной смертью. Следовательно, их ожидала бы такая участь или, быть может, видя переход всех прочих эллинов на сторону персов, им пришлось бы еще раньше сдаться на милость Ксеркса. Таким образом, и в том и в другом случае Эллада оказалась бы под игом персов. Действительно, мне совершенно непонятно, какую пользу могли принести стены на Истме, если царь [персов] господствовал на море. Потому-то не погресишь против истины, назвав афинян спасителями Эллады. Ибо ход событий зависел исключительно от того, на чью сторону склонятся афиняне. Но так как афиняне выбрали свободу Эллады, то они вселили мужество к сопротивлению всем остальным эллинам, поскольку те еще не перешли на сторону мидян, и с помощью богов обратили царя в бегство. Не могли устрашить афинян даже грозные изречения дельфийского оракула и побудить их покинуть Элладу на произвол судьбы. Они спокойно стояли и мужественно ждали нападения врага на их землю. <...>

143. Был тогда в Афинах один человек, лишь недавно выдвинувшийся на первое место среди наиболее влиятельных граждан. Его звали Фемистоклом, и был он сыном Неокла. Он считал, что толкователи оракулов не все изречение объясняли правильно, и говорил так: «Если бы упомянутый стих действительно относился к афинянам, то бог, как мне кажется, не выбрал бы столь миролюбивых выражений, но сказал бы: “несчастный Саламин” вместо “божественный Саламин”, если только жителям его суждено погибнуть в борьбе за остров. Напротив, если изречение понять правильно, то его следует относить к врагам, а не к афинянам». Поэтому Фемистокл советовал афинянам готовиться к морской битве, так как «деревянные стены» и есть корабли. Толкование Фемистокла понравилось афинянам гораздо больше, чем объяснение толкователей оракулов, которые были против приготовлений к битве на море и вообще советовали даже не поднимать руки на врага, но покинуть Аттику и поселиться где-нибудь в другой стране.

144. Еще раньше этого совета Фемистокла афиняне приняли другое его удачное предложение. В государственной казне афинян тогда было много денег, поступавших от доходов с Лаврийских рудников. Эти деньги полагалось разделить между гражданами, так что каждому приходилось по 10 драхм. Фемистокл убедил афинян отказаться от дележа и на эти деньги построить 200 боевых кораблей, именно для войны с Эгиной. Эта-то вспыхнувшая тогда война с Эгиной и спасла Элладу, заставив Афины превратиться в морскую державу. Хотя корабли эти не нашли применения против эгинцев (для чего были построены), но теперь онигодились Элладе. Итак, у афинян были уже эти, построенные раньше корабли, и теперь нужно было построить еще другие. И вот афиняне, обсудив ответ оракула, решили по совету бога встретить всей своей военной мощью на море нападение варваров на Элладу вместе с эллинскими городами, которые пожелали к ним присоединиться.

145. Теперь все эллины, избравшие «лучшую долю» в общеэллинском деле, собрались в одном месте. Там они держали совет и заключили союз под клятвой, прежде всего решив прекратить вражду и междоусобные войны. Между прочим, и другие города воевали тогда друг с другом, но самую ожесточенную войну вели афиняне с эгинцами. Затем эллины решили послать соглядатаев в Азию разузнать о военной силе персидского царя, который, по их сведениям, находился с войском в Сардах. В Аргос они отправили послов заключить союз против персидского царя. Также отрядили они двух послов в Сицилию к Гелону, сыну Диномена, и еще других — на Керкиру и на Крит с просьбой помочь Элладе. Они хотели сделать попытку объединить, если возможно, всех эллинов и побудить их действовать заодно пред лицом всеобщей опасности. Держава же Гелона, как считали тогда, была весьма могущественной и, пожалуй, даже самой могущественной среди эллинских городов.

Вопросы по тексту источника:

1. Как Геродот оценивает роль афинян в борьбе с персами?
2. Какие меры принял Фемистокл для укрепления военной мощи Афин?

Битва при Фермопилах

Геродот. История. Книга VII.

173. А эллины в ответ на это решили послать морем войско в Фессалию для защиты прохода. Войско собралось и затем отплыло через [пролив] Еврипа. По прибытии в Алос войско высадилось на сушу и, оставив там корабли, направилось в Фессалию. Затем оно пришло в Темпейскую долину к проходу, идущему вдоль реки Пеней между горами Олимпом и Оссой из Нижней Македонии в Фессалию. Там собрались станом эллины в числе около 10 000 гоплитов; к ним присоединилась здесь и фессалийская конница. Во главе лакедемонян стоял Евенет, сын Карена, один из полемархов, однако не царского рода; военачальником же афинян был Фемистокл, сын Неокла. <...>

174. Как раз во время этого похода в Фессалию [персидский] царь был уже в Абидосе, собираясь переправиться из Азии в Европу. А покинутые эллинами фессалийцы откровенно и без колебания перешли на сторону персов и оказали царю на войне весьма ценные услуги.

175. Когда эллины снова прибыли на Истм, то стали держать совет, где и как им вести войну после сообщения Александра. Верх одержало мнение, что следует занять Фермопильский проход. Этот проход был, конечно, уже прохода, ведущего в Фессалию, и ближе к их земле. О тропинке же, из-за которой погибли павшие в Фермопильском ущелье эллины, они тогда еще ничего не знали. Узнали же о ней только в Фермопилах от трахинцев. Этот-то проход эллины и решили занять, чтобы преградить путь персидскому царю в Элладу. Флот же должен был плыть к Артемисию в области Гистиеотиды. И то и другое место находится неподалеку друг от друга, так что из одного быстро можно узнать, что происходит в другом. Расположены же они вот так.

176. Во-первых, Артемисий. Здесь из широкого Фракийского моря образуется узкий пролив, отделяющий остров Скиаф от Магнесии на материке. А за Евбейским проливом идет Артемисий, т. е. побережье [Артемисия], где стоит святилище Артемиды. Во-вторых, проход в Элладу через местность Трахин, шириной в самом узком месте в полплефра. Однако наиболее узкое место находится не у города Трахина, а перед Фермопилами и за ними. Так, у селения Альпены за Фермопилами есть проезжая дорога только для одной повозки, и перед ними у реки Феникс близ города Анфелы можно опять ехать только на одной повозке. На западе от Фермопил поднимается недоступная, обрывистая и высокая гора, простирающаяся до Эты. На востоке же проход подходит непосредственно к морю и болотам.

177. Эти-то оба места эллины и выбрали благодаря их удачному расположению. Обсудив все заранее и, кроме того, учтя, что варвары не смогут тут пустить в дело массу своей пехоты и конницу, эллины и решили в этом месте ожидать нападения врага. Когда затем стало известно, что персидский царь уже в Пиерии, эллины распустили собрание на Истме и выступили в поход: одни — сухим путем к Фермопилам, а другие — морем к Артемисию. <...>

179. Между тем флот Ксеркса вышел из города Фермы, и десять самых быстроходных кораблей поплыли вперед прямо к Скиафу. Здесь стояли три дозорных эллинских корабля: трезенский, эгинский и аттический. Завидев издали варварские корабли, эллины обратились в бегство.

184. До этого места и до Фермопил персидское войско и флот еще не понесли никаких потерь. Общая численность персидских боевых сил, по моим вычислениям, была

тогда вот какая: на 1207 азиатских кораблях первоначально было воинов из разных народностей 241 000, считая по 200 человек на корабль. На этих кораблях, кроме воинов из местных жителей, было еще по 30 человек персов, мидян и саков, что составляет еще 36 210 человек. К этому и к тому первому числу я прибавляю еще команды 50-весельных кораблей, принимая в среднем по 80 человек на корабль. Следовательно, на этих 50-весельных кораблях (а их было, как я уже сказал раньше, 3000) должно было находиться 240 000 человек. Таким образом, численность команды всего азиатского флота составляла 517 610 человек. Пехота же персов насчитывала 1 700 000, а конница 80 000 человек. К этому следует добавить арабов на их верблюдах и ливийцев на боевых колесницах; в общем 20 000 человек. Если сосчитать вместе общее количество воинов на кораблях и в сухопутном войске, то в итоге получим 2 317 610 человек. Здесь перечислены боевые силы персов, приведенные из самой Азии, не считая следовавшего за ними обоза, грузовых судов с продовольствием и их команд.

185. К этому общему числу следует прибавить еще численность войска, которое царь привел с собой. О его численности я могу судить, конечно, лишь приблизительно. Так, эллины из Фракии и с островов у фракийского побережья выставили 120 кораблей. Это значит, что на этих кораблях было 24 000 воинов. Что до сухопутного войска, то его выставили фракийцы, пеоны, эорды, боттии, народности на Халкидике, бриги, пиерийцы, македоняне, перребы, эниены, долопы, магнеты, ахейцы и все жители фракийского побережья. Численность отрядов всех этих народностей, по моему мнению, составляла 300 000 человек. Итак, если прибавить эти мириады к мириадам, [приведенным] из Азии, то получим боеспособную военную силу в 2 641 610 человек.

186. Столь велика была боевая мощь Ксеркса! Обоз же, следовавший за войском, команды легких судов с продовольствием и прочих вспомогательных кораблей были, мне думается, не менее многочисленны, но даже еще многочисленнее самих боевых сил. Однако я принимаю численность обоза равной численности боевой силы и вовсе не больше и не меньше. Если это так, то численность обоза составляет столько же мириад, как и боевой силы. Таким образом, Ксеркс, сын Дария, привел к Сепиаде и Фермопилам 5 283 220 человек. Такова была общая численность полчищ Ксеркса. <...>

201. Итак, царь Ксеркс разбил свой стан у Трахина в Малийской земле, эллины же — в проходе. Место это большинство эллинов зовет Фермопилами, а местные жители и соседи называют его Пилами. Так, оба войска стояли друг против друга в этих местах. В руках Ксеркса была вся область к северу вплоть до Трахина, а эллины занимали местности к югу от прохода со стороны эллинского материка.

202. Эллинские же силы, ожидавшие в этой местности персидского царя, состояли из 300 спартанских гоплитов, 1000 тегейцев и мантинейцев (по 500 тех и других); далее, 120 человек из Орхомена в Аркадии и 1000 — из остальной Аркадии. Столько было аркадцев. Затем из Коринфа 400, из Флиунта 200 и 80 — из Микен. Эти люди прибыли из Пелопоннеса. Из Беотии было 700 феспийцев и 400 фиванцев.

203. Кроме того, эллины вызвали на помощь опунтских локров со всем их ополчением и 1000 фокийцев.

204. У каждого города были свои особые военачальники. Но среди них особенно достоин восхищения главный начальник всего войска лакедемонянин Леонид, сын Анаксандрида, потомок Леонта, Еврикратида, Анаксандра, Еврикрата, Полидора, Алкамена, Телекла, Архелая, Гегесилая, Дорисса, Леобота, Эхестрата, Эгия, Еврисфена, Аристодема, Аристомаха, Клеодея, Гилла и Геракла. Леонид же получил спартанский престол неожиданно.

205. Этот Леонид пришел в Фермопилы, отобрав себе, по обычаю, отряд в 300 человек и притом таких, у кого уже были дети. По пути туда он присоединил к своему отряду также и перечисленных мною выше фиванцев под начальством Леонтиада, сына Евримаха. Леонид так поспешно присоединил к себе только одних фиванцев из всех эллинов именно потому, что над ними тяготело тяжелое подозрение в сочувствии мидянам. Итак,

царь призвал их на войну, желая удостовериться, пошлют ли они войско на помощь или же открыто откажутся от союза с эллинами. Фиванцы все же послали ему людей, хотя и думали об измене.

206. Отряд же этот во главе с Леонидом спартанцы выслали вперед для того, чтобы остальные союзники видели это и также выступили в поход и не перешли на сторону мидян, заметив, что сами спартанцы медлят. Дело было в канун праздника Карнеи. По окончании празднества спартанцы собирались, оставив в Спарте только стражу, быстро выступить на помощь со всем своим войском. Так же думали поступить и прочие союзники, так как с этими событиями как раз совпадали и Олимпийские игры. И действительно, никто не предполагал, что борьба за Фермопилы так быстро окончится, и поэтому послали туда передовой отряд. Так решили поступить союзники.

207. Между тем, лишь только персидский царь подошел к проходу, на эллинов напал страх и они стали держать совет об отступлении. Все пелопоннесские города предложили возвратиться в Пелопоннес и охранять Истм. Фокийцы и локры пришли в негодование от такого предложения, и потому Леонид принял решение оставаться там и послать вестников в города с просьбой о помощи, так как у них слишком мало войска, чтобы отразить нападение мидийских полчищ <...>.

210. Четыре дня царь велел выждать, все еще надеясь, что спартанцы обратятся в бегство. Наконец на пятый день, так как эллины все еще не думали двигаться с места, но, как он думал, продолжали стоять из наглого безрассудства, царь в ярости послал против них мидян и киссиев с приказанием взять их живыми и привести пред его очи. Мидяне стремительно бросились на эллинов; [при каждом натиске] много мидян падало, на место павших становились другие, но не отступали, несмотря на тяжелый урон. Тогда, можно сказать, всем стало ясно, и в особенности самому царю, что людей у персов много, а мужей [среди них] мало. Схватка же эта длилась целый день.

211. Получив суровый отпор, мидяне вынуждены были отступить. На смену им прибыли персы во главе с Гидарном (царь называл их «бессмертными»). Они думали легко покончить с врагами. Но когда дело дошло до рукопашной, то персы не добились большего успеха, чем мидяне, но дело шло одинаково плохо: персам приходилось сражаться в теснине с более короткими копьями, чем у эллинов. При этом персам не помогало их численный перевес. Лакедемоняне же доблестно бились с врагом и показали свою опытность в военном деле перед неумелым врагом, между прочим, вот в чем. Всякий раз, когда они время от времени делали поворот, то все разом для вида обращались в бегство. При виде этого варвары с боевым кличем и шумом начинали их теснить. Спартанцы же, настигаемые врагом, поворачивались лицом к противнику и поражали несметное число персов. При этом, впрочем, погибало и немного спартанцев. Так как персы никак не могли овладеть проходом, хотя и пытались штурмовать отдельными отрядами и всей массой, то им также пришлось отступить.

212. Во время этих схваток царь, как рассказывают, наблюдал за ходом сражения и в страхе за свое войско трижды вскакивал со своего трона. Так они бились в тот день, но и следующий день не принес варварам удачи. Варвары нападали в расчете на то, что при малочисленности врагов они все будут изранены и не смогут уже сопротивляться. Эллины же стояли в боевом строю по племенам и родам оружия, и все сражались, сменяя друг друга, кроме фокийцев. Фокийцы же были отосланы на гору охранять горную тропу. А персы, увидев, что дело идет не лучше вчерашнего, вновь отступили.

213. Между тем царь не знал, что делать дальше. Тогда явился к нему некий Эпиальт, сын Евридема, малиец. Надеясь на великую царскую награду, он указал персам тропу, ведущую через гору в Фермопилы, и тем погубил бывших там эллинов. Впоследствии предатель из страха перед лакедемонянами бежал в Фессалию, и пиллагоры (собравшиеся в Пилее амфиктионы) объявили за голову беглеца денежную награду. Через некоторое время Эпиальт возвратился на родину в Антикиру и был там убит Афинадом из Трахина.

Афинад же этот умертвил Эпиальта по другой причине (о чем я расскажу позднее), но все же получил награду от лакедемонян. Так впоследствии погиб Эпиальт. <...>

215. Ксеркс же принял предложение Эпиальта и тотчас, чрезвычайно обрадовавшись, послал Гидарна с его отрядом. Персы вышли из стана около того времени, когда зажигают светильники. Тропу же эту некогда отыскивали местные малийцы и указали путь по ней фессалийцам против фокийцев (фокийцы же, оградив стеной проход, считали себя в безопасности от нападения). Впрочем, уже с тех пор, как тропа была открыта, малийцы ею совершенно не пользовались.

216. Тропа эта идет так: начинается она от реки Асопа, текущей по горному ущелью (гора там носит одинаковое с тропой название — Анопей). Проходит же эта Анопей вдоль горного хребта и оканчивается у города Альпена (первого города локров со стороны Малиды), у так называемой скалы Мелампиг и у «Обителей Керкопов», в самом узком месте прохода.

217. По этой-то тропе после переправы через Асоп персы шли целую ночь. Справа возвышались Этейские горы, а слева — Трахинские. И вот уже засияла утренняя заря, когда они достигли вершины горы. В этом месте горы (как я уже раньше сказал) стояла на страже 1000 фокийских гоплитов для защиты своей земли и охраны тропы. Проход внизу сторожили вышперечисленные отряды. Охранять же тропу, ведущую через гору, добровольно предложили Леониду фокийцы.

218. А фокийцы заметили, что персы уже стоят на вершине, вот каким образом. Поднимались ведь персы на гору незаметно, так как она вся густо поросла дубовым лесом. Стояла полная тишина, и, когда внезапно раздался сильный треск (от листвы, естественно шуршавшей под ногами воинов), фокийцы вскочили и бросились к оружию. В этот-то момент и показались варвары. С изумлением увидели варвары перед собою людей, надевавших на себя доспехи. Ибо они, не ожидая встретить никакого сопротивления, наткнулись на отряд воинов. Тогда Гидарн, опасаясь, что это — не фокийцы, а лакедемоняне, спросил Эпиальта, откуда эти воины. Получив точные сведения, он построил воинов в боевой порядок. А фокийцы под градом стрел тотчас же бежали на вершину горы и, думая, что персы нападают именно на них, уже приготовились к смерти. Так думали фокийцы, а персы во главе с Эпиальтом и Гидарном даже не обратили на них внимания, но поспешно начали спуск. <...>

220. Рассказывают также, будто сам Леонид отослал союзников, чтобы спасти их от гибели. Ему же самому и его спартамцам не подобает, считал он, покидать место, на защиту которого их как раз и послали. И к этому мнению я решительно склоняюсь. И даже более того, я именно утверждаю, что Леонид заметил, как недовольны союзники и сколь неохотно подвергаются опасности вместе с ним, и поэтому велел им уходить. А сам он считал постыдным отступать. Если, думал Леонид, он там останется, то его ожидает бессмертная слава и счастье Спарты не будет омрачено.

223. Между тем Ксеркс совершил жертвенное возлияние восходящему солнцу. Затем, выждав некоторое время, выступил около того часа, когда рынок наполняется народом. Такой совет дал царю Эпиальт. Ибо спуск с горы скорее и расстояние гораздо короче, чем дорога в обход или подъем. Наконец, полчища Ксеркса стали подходить. Эллины же во главе с Леонидом, идя на смертный бой, продвигались теперь гораздо дальше в то место, где проход расширяется. Ибо в прошлые дни часть спартамцев защищала стену, между тем как другие бились с врагом в самой теснине, куда они всегда отступали. Теперь же эллины бросились врукопашную уже вне прохода, и в этой схватке варвары погибали тысячами. За рядами персов стояли начальники отрядов с бичами в руках и ударами бичей подгоняли воинов все вперед и вперед. Много врагов падало в море и там погибало, но гораздо больше было раздавлено своими же. На погибающих никто не обращал внимания. Эллины знали ведь о грозившей им верной смерти от руки врага, обошедшего гору. Поэтому-то они и проявили величайшую боевую доблесть и бились с варварами отчаянно и с безумной отвагой.

224. Большинство спартанцев уже сломало свои копья и затем принялось поражать персов мечами. В этой схватке пал также и Леонид после доблестного сопротивления и вместе с ним много других знатных спартанцев. Имена их, так как они заслуживают хвалы, я узнал. Узнал я также и имена всех трехсот спартанцев. Много пало там и знатных персов; в их числе двое сыновей Дария — Аброком и Гиперанф, рожденных ему дочерью Артана Фратагуной. Артан же был братом царя Дария, сына Гистаспа, сына Арсама. Он дал Дарию в приданое за дочерью все свое имущество, так как у него она была единственной.

225. Итак, два брата Ксеркса пали в этой битве. За тело Леонида началась жаркая рукопашная схватка между персами и спартанцами, пока наконец отважные эллины не вырвали его из рук врагов (при этом они четыре раза обращали в бегство врага). Битва же продолжалась до тех пор, пока не подошли персы с Эпиальтом. Заметив приближение персов, эллины изменили способ борьбы. Они стали отступать в теснину и, миновав стену, заняли позицию на холме — все вместе, кроме фиванцев. Холм этот находился у входа в проход (там, где ныне стоит каменный лев в честь Леонида). Здесь спартанцы защищались мечами, у кого они еще были, а затем руками и зубами, пока варвары не засыпали их градом стрел, причем одни, преследуя эллинов спереди, обрушили на них стену, а другие окружили со всех сторон.

226. Из всех этих доблестных лакедемонян и феспийцев самым доблестным все же, говорят, был спартанец Диенек. По рассказам, еще до начала битвы с мидянами он услышал от одного человека из Трахина: если варвары выпустят свои стрелы, то от тучи стрел произойдет затмение солнца. Столь великое множество стрел было у персов! Диенек же, говорят, вовсе не устрасился численности варваров и беззаботно ответил: «Наш приятель из Трахина принес прекрасную весть: если мидяне затемнят солнце, то можно будет сражаться в тени».

227. Такие и подобные достопамятные слова, по рассказам, говорил лакедемонянин Диенек. А после него самыми доблестными, говорят, были два брата — Алфей и Марон, сыновья Орсифанта. Среди феспийцев же особенно отличился один, по имени Дифирамб, сын Гарматида.

228. Погребены же они на том месте, где они пали. Им и павшим еще до того, как Леонид отпустил союзников, поставлен там камень с надписью, гласящей:

Против трехсот мириад здесь некогда
бились
Пелопоннесских мужей сорок лишь сотен всего.

Эта надпись начертана в честь всех павших воинов, а лакедемонянам особая:

Путник, пойди возвести нашим гражданам в Ла-
кедемоне,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями полегли.

229. Рассказывают, что двое из трехсот [спартанцев] — Еврит и Аристокдем — оба могли бы остаться в живых, если бы были единокорными, и возвратиться в Спарту (они были отпущены Леонидом из стана и лежали в Альпенах, страдая тяжелым глазным недугом). Или же, не желая вернуться на родину, они могли бы по крайней мере умереть вместе с остальными. Хотя им открывались обе эти возможности, но они не достигли взаимного согласия, разойдясь во мнениях. Еврит, узнав о том, что персы обошли гору, потребовал свои доспехи. Затем, облачившись в доспехи, он приказал илоту вести его к бойцам. Илот провел Еврита в Фермопилы, но потом бежал, а Еврит попал в самую гущу схватки и погиб. Аристокдем же не имел мужества [умереть] и остался жив. Если бы вернулся только

один Аристодем больным в Спарту или оба они вместе, то, думается, спартанцы не стали бы гневаться на него. Теперь же, когда один из них пал, а другой (выставив ту же причину в свое оправдание) не захотел умереть, спартанцы неизбежно должны были сильно озлобиться на него.

233. Между тем фиванцам во главе с Леонтиадом пришлось в силу необходимости некоторое время сражаться заодно с эллинами против царского войска. Увидев, что персы берут верх и теснят отряд Леонида к холму, фиванцы отделились от лакедемонян и, простирая руки, пошли навстречу врагу. Фиванцы заявляли — и это была сушая правда, — что они всецело на стороне персов и с самого начала дали царю землю и воду, а в Фермопилы они пришли только по принуждению и невиновны в уроне, нанесенном царю. Такими уверениями фиванцы спасли свою жизнь, и [истинность] их слов засвидетельствовали фессалийцы. Правда, им посчастливилось не во всем: когда фиванцы подошли, варвары схватили некоторых из них и умертвили. Большинство же их, и прежде всего начальника Леонтиада, по приказанию Ксеркса заклеями царским клеймом (сына Леонтиада Евримаха впоследствии умертвили платейцы, когда он во главе 400 фиванцев захватил их город).

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Почему в качестве места для сражения с персидским войском были выбраны Фермопилы и мыс Артемисий?
2. Каково было соотношение сил противников?
3. Опираясь на сведения источников, кратко опишите ход битвы.
4. Какие обстоятельства помогли Ксерксу выиграть сражение?

Битва у мыса Артемисий

Геродот. История. Книга VIII

1. Эллинские морские силы состояли вот из каких кораблей. Афиняне выставили 127 кораблей. Воинами и матросами на этих кораблях вместе с афинянами служили неопытные, правда, в мореплавании, но доблестные и отважные платейцы. Коринфяне доставили 40 кораблей, а мегарцы 20. Халкидяне снарядили экипаж для 20 кораблей, предоставленных афинянами. Эгина выставила 18 кораблей, Сикион 12, лакедемоняне 10, Эпидавр 8, эретрийцы 7, Трезен 5, стирейцы 2, кеосцы 2 боевых корабля и 2 пентеконтеры и, наконец, опунтские локры прислали на помощь 7 пентеконтер.

2. Итак, эти корабли стояли у Артемисия. Сколько кораблей выставил каждый город, я уже сказал. Общее же число кораблей, собранных у Артемисия (кроме пентеконтер), было 271. Главным начальником флота спартанцы выставили Еврибиада, сына Евриклида. Союзники отказались подчиняться афинянину и объявили, что если начальник лаконского отряда не будет главнокомандующим, то они не примут участия в походе. <...>

4. Итак, эллинские корабли прибыли тогда к Артемисию. Между тем, увидев огромный флот противника на якоре у Афет и [заметив], что всюду полно вражеских кораблей (ведь против ожидания силы варваров оказались гораздо более значительными), эллины устрашились и решили снова бежать во внутренние воды Эллады. Узнав об этом, евбейцы просили Еврибиада подождать, по крайней мере, хоть немного, пока они тайно не отправят детей и челядь в безопасное место. Еврибиад, однако, отклонил их просьбу, и тогда евбейцы обратились к афинскому военачальнику Фемистоклу. Им удалось за 30 талантов подкупить Фемистокла, и тот склонил эллинов остаться и дать морскую битву перед Евбеей. <...>

6. Так-то эллины остались у Евбеи и дали там морскую битву. Произошла же она вот как. Когда варвары сразу же после полудня прибыли к Афетам и сами увидели ма-

ленький флот эллинов на якоре у Артемисия, о чем они и раньше имели сведения, то загорелись желанием напасть на эллинские корабли и захватить их. Плыть, однако, прямо на эллинов варвары считали неразумным, потому что эллины при виде подходящих врагов обратятся в бегство и могут ускользнуть под покровом ночи. Персы, естественно, полагали, что эллины именно так и поступят, и желали лишь погубить всех врагов до единого.

7. Поэтому-то на погибель эллинам персы придумали вот что. Из всего флота они выделили 200 кораблей и отправили за остров Скиаф, чтобы враги не заметили кораблей, плывущих вокруг Евбеи мимо мыса Каферея и Гереста в Еврип. [Задачей этих кораблей было] захватить там эллинов и отрезать им путь к отступлению, в то время как главные силы должны были напасть на врага спереди. Приняв такое решение, персы направили [в обход] назначенные для окружения врага корабли. Главные же силы не имели в виду в этот день нападать на эллинов в ожидании условного знака о прибытии огибавших остров кораблей. Итак, персы послали эти корабли в плавание вокруг Евбеи и в это время стали производить смотр главных сил, стоявших у Афет.

10. Когда экипаж и военачальники на кораблях Ксеркса увидели плывущие на них малочисленные вражеские корабли, они также снялись с якорей и вышли в открытое море. Персы считали эллинов совершенно безумными и надеялись без труда захватить их корабли. И их надежды были вполне обоснованы. Ведь персы видели, сколь мало кораблей у эллинов и во сколько раз их собственный флот больше и лучше на плаву. С таким-то чувством превосходства [над противником] персы стали окружать эллинов. Некоторые ионяне, преданные эллинскому делу и лишь неохотно выступившие в поход с персами, с великой тревогой взирали теперь, как персидский флот окружает эллинов. Они думали, что никто из эллинов уже не вернется домой. Столь слабой им казалась эллинская мощь! Другие же, напротив, радовались судьбе эллинов и даже пустились в соревнование: кто первым захватит аттический корабль, получит за это царский подарок. Ведь во всем персидском флоте только и речи было, что об афинянах.

11. Между тем эллины по первому сигналу трубы повернули носы кораблей на врага, а кормами сдвинули их в середину друг против друга. По второму сигналу эллины начали атаку, хотя и были стеснены ограниченным пространством, так что могли плыть только прямо. При этом они захватили тридцать варварских кораблей и взяли в плен Филадельфа, сына Херсия, брата Горга, царя Саламина, человека влиятельного в персидском флоте. Первым из эллинов овладел вражеским кораблем афинянин Ликомед, сын Эсхрея. Он получил награду за доблесть. Наступившая ночь разъединила противников, и битва осталась нерешенной. Эллины отплыли назад к Артемисию, а варвары — к Афетам. Вопреки их ожиданиям битва окончилась совершенно иначе. В этой морской битве только один эллин из царского войска — Антидор из Лемноса — перешел на сторону эллинов. За это афиняне подарили ему участок земли на Саламине.

12. С наступлением темноты (лето было в разгаре) разразился страшный ливень на всю ночь и с Пелиона гремели глухие раскаты грома. Мертвые же тела и обломки кораблей [течением] принесло к Афетам и прибило к носам персидских кораблей, и они запутались в лопастях корабельных весел. Люди на кораблях в Афетах, слышавшие шум, пришли в смятение, думая, что при всех несчастьях им теперь уже не миновать гибели. Ведь едва они успели прийти в себя после крушения и бури у Пелиона, как сразу началась ожесточенная битва, а после нее — страшный ливень: бурные потоки воды стремглав обрушились [с вершины Пелиона] в море и загремели глухие раскаты грома. Такую ужасную ночь пришлось пережить персам!

15. Военачальники варваров между тем сильно досадовали на то, что такой ничтожный отряд кораблей нанес им столь сильный урон. Они страшились также гнева Ксеркса и поэтому на третий день не стали больше ждать нападения эллинов. Набравшись храбрости, персы около полудня вышли в море. Случайно эти морские битвы произошли в те же самые дни, что и битва на суше при Фермопилах, причем задачей эллинского флота была только защита Еврипа, так же как отряд Леонида должен был прикрывать [Фер-

мопильский] проход. Итак, эллины стремились не допустить варваров в Элладу, а варвары — уничтожить эллинское войско и овладеть проходом.

16. Когда корабли Ксеркса стали подходить в боевом порядке, эллины спокойно стояли перед Артемисием. Затем варвары построили свои корабли дугой (в виде полумесяца), чтобы окружить врага. Тогда эллины снова вышли навстречу варварам, и битва началась. Силы противников в этой битве были равны, потому что флот Ксеркса из-за большого числа кораблей и их величины сам себе причинял урон: корабли нарушали боевой порядок и сталкивались друг с другом. Но все же варвары держались стойко и не отступали: ведь для них было страшным позором бежать от немногочисленных вражеских кораблей. Много кораблей и людей погибло у эллинов, но еще гораздо больше варвары потеряли людей и кораблей. Так они сражались и затем разошлись, и каждый флот вернулся назад на свою стоянку.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Какие тактические приемы использовали афиняне в битве у Артемисия?
2. Каковы были итоги битвы?

Сражение при Саламине

Геродот. История. Книга VIII.

40. Между тем эллинский флот по просьбе афинян направился из Артемисия к берегам Саламина. Остановиться же у Саламина афиняне просили потому, что хотели вывезти жен и детей из Аттики в безопасное место. А затем им нужно было держать совет о том, как дальше вести войну. Ведь при сложившихся обстоятельствах обманутые в своих расчетах афиняне должны были принять новые решения. Так, они рассчитывали найти в Беотии все пелопоннесское ополчение в ожидании варваров, но не нашли ничего подобного. Напротив, афиняне узнали, что пелопоннесцы укрепляют Истм, и так как для них важнее всего спасти Пелопоннес, то только один Пелопоннес они и хотят защищать. Все же прочие земли Эллады они оставляют на произвол судьбы. При этом известии афиняне попросили сделать остановку у Саламина.

41. Так вот, остальные [эллинские] корабли бросили якорь у Саламина, афиняне же высадились на берег. Тотчас же по прибытии афиняне объявили через глашатая, чтобы каждый спасал своих детей и челядь кто где может. Тогда большинство отправило своих жен и детей в Трезен, другие — на Эгину, а иные — на Саламин. <...>

43. Сражались же вот какие корабли. Из Пелопоннеса лакедемоняне выставили 16 кораблей. Коринфяне же — такое же число кораблей, как и при Артемисии. Сикионцы доставили 15 кораблей, эпидаврийцы 10, трезенцы 5, гермионяне 3. Все эти города, кроме Гермियोны, принадлежат к дорийскому и македонскому племени, и [жители их] переселились в Пелопоннес из Эриней и из Пинды и, наконец, из Дриопиды. Гермioniане же — дриопы, изгнанные Гераклом и малийцами из так называемой ныне Дорийской земли.

44. Это были пелопоннесские города. Из городов же на материке только одни афиняне выставили почти столько же кораблей, как все остальные вместе, именно 180. <...>

48. В то время как остальные города выступили в поход с триерами, мелосцы же, сифнийцы и серифии снарядили 50-весельные корабли. Мелосцы (по происхождению из Лакедемона) доставили два корабля. Сифнии же и серифяне (они ионяне из Афин) — по одному. Общее же число кораблей, кроме 50-весельных, составляло 378.

49. Собрав свои корабли у Саламина, военачальники всех упомянутых городов стали держать совет. Еврибиад предложил каждому желающему высказать свое мнение: в каком месте из тех, что еще были под властью эллинов, удобнее всего дать морскую бит-

ву. Ведь Аттика была уже оставлена на произвол судьбы, и теперь дело шло только об остальной Элладе. Большинство выступавших единодушно высказалось за то, чтобы отплыть к Истму и дать там морскую битву в защиту Пелопоннеса. В пользу этого мнения они приводили вот какой довод: если они, оставшись у Саламина, проиграют битву, то будут заперты на острове без всякой надежды на спасение; с Истма же они могут спастись, [возвратившись] в свои города.

50. В то время как пелопоннесские военачальники высказывали такие соображения, прибыл какой-то афинянин с известием, что персидский царь находится уже в Аттике и опустошает всю землю огнем и мечом. Ксеркс с войском прошел Беотию, предав огню город Феспии (феспийцы покинули свой город и бежали в Пелопоннес). Так же поступил он и с Платеями, а затем проник в Аттику и разоряет там все. Феспии и Платеи царь предал огню, узнав от фиванцев, что эти города не на стороне персов.

51. После переправы через Геллеспонт, где варвары начали поход и оставались один месяц, считая время переправы в Европу, в течение следующих трех месяцев персы достигли Аттики. Архонтом тогда у афинян был Каллиад. Персы заняли пустой город, и только в святилище [Афины Паллады] они нашли небольшое число афинян — хранителей храмовой утвари и бедняков. Эти люди заперли ворота акрополя и завалили их бревнами, чтобы преградить вход в храм. Они не переехали на Саламин отчасти по бедности и к тому же, как им казалось, только они разгадали смысл изречения Пифии о том, что деревянная стена неодолима: акрополь, думали они, будет им убежищем, которое подразумевал оракул, а не корабли.

52. Персы же заняли холм против акрополя, который афиняне называют ареопагом, и затем стали осаждать акрополь вот как: они зажгли обмотанные паклей стрелы и стали метать их в засеку. Осажденные афиняне все-таки продолжали защищаться, хотя дошли уже до крайности, так как засека уже их не защищала. Тем не менее, они не согласились на предложенные Писистратидами условия сдачи, но придумывали разные новые средства защиты. Так, они скатывали огромные камни на варваров, напиравших на ворота, и Ксеркс долгое время был в затруднении, как ему взять акрополь.

53. Наконец варвары нашли выход из затруднительного положения. Согласно изречению оракула, ведь вся материковая Аттика должна была перейти под власть персов. С передней [северной] стороны акрополя, противоположной воротам и дороге, ведущей наверх, несколько персов поднялось на скалу. В этом месте не было никакой стражи, так как считалось, что здесь-то уже никто не сможет взобраться наверх. Это было подле святилища Аглавры, дочери Кекропа, где скалы действительно очень крутые. Когда афиняне увидели врагов наверху, на акрополе, то одни из них ринулись вниз со стены и погибли, другие же нашли убежище внутри святилища. Персы же, поднявшись наверх, прежде всего, направились к воротам святилища и открыли их; затем они убили защитников, моливших о спасении. Когда со всеми защитниками акрополя было покончено, персы разграбили святилище и предали огню весь акрополь.

54. Захватив полностью Афины [и акрополь], Ксеркс отправил конного гонца в Сусы к Артабану с сообщением о достигнутом успехе. На второй день после отправления гонца царь собрал афинских изгнанников, следовавших за ним в походе, и повелел подняться на акрополь и принести жертву по своему обряду. Потому ли он приказал это, что видел какое-либо сновидение, или же раскаявался в том, что велел предать огню святилище. Афинские же изгнанники исполнили царское повеление.

55. Почему я об этом упомянул, я сейчас расскажу. Есть на акрополе святилище Эреxfея, как говорят, рожденного Землей, и в нем маслина и источник соленой воды. У афинян существует сказание, что Посейдон и Афина, поспорив из-за этой страны, перенесли туда маслину и источник как [видимые] знаки своего владычества над страной. Эту маслину варвары как раз и предали огню вместе со святилищем. На следующий день после пожара афинские [изгнанники] по приказанию царя пришли в святилище и увидели, что от пня пошел отросток почти в локоть длиной. Об этом они сообщили царю.

56. Между тем весть об участии афинского акрополя привела эллинов у Саламина в столь великое смятение, что некоторые военачальники даже не стали дожидаться, пока будет решено, [где дать морскую битву]. Они бросились к своим кораблям и подняли паруса, чтобы тотчас же отплыть. Оставшиеся военачальники решили дать морское сражение перед Истмом. С наступлением ночи собрание разошлось, и военачальники взошли на борт своих кораблей.

57. Когда Фемистокл пришел на свой корабль, афинянин Мнесифил спросил его, какое решение принято [на совете]. Узнав о решении отвести корабли к Истму и сражаться перед Пелопоннесом, Мнесифил сказал: «Если флот покинет Саламин, то тебе больше не придется сражаться за родину. Ведь каждый вернется в свой город, и тогда ни Еврибиад и никто на свете не сможет уже помешать флоту рассеяться. Эллада погибнет от собственной глупости. Поэтому если есть какая-нибудь возможность [спасения], то иди и попытайся отменить решение или, по крайней мере, убедить Еврибиада остаться здесь».

58. Этот совет пришелся Фемистоклу весьма по душе. Ничего не ответив, он направился к кораблю Еврибиада. Придя к Еврибиаду, Фемистокл сказал, что желает обсудить с ним одно общее дело. Еврибиад пригласил его на свой корабль, предложив сказать, что ему нужно. Тогда Фемистокл сел рядом со спартанцем и повторил все слова Мнесифила (но как свое собственное мнение) и, кроме того, прибавил еще много других доводов, пока, наконец, не убедил его просьбами сойти с корабля и созвать совет военачальников.

59. Когда военачальники собрались (еще до того как Еврибиад объяснил причину созыва совещания), Фемистокл произнес длинную речь, так как дело для них было слишком важным. Коринфский военачальник Адимант, сын Окита, однако, прервал его словами: «Фемистокл! На состязаниях бьют палками тех, кто выбегает раньше поданного знака». В свое оправдание Фемистокл ответил: «А тот, кто остается позади, не получает в награду венка!».

70. Был отдан приказ к отплытию, персидские корабли взяли курс на Саламин и там спокойно выстроились в боевом порядке. Однако днем они не могли уже вступить в бой: надвигалась ночь. Поэтому персы стали готовиться к бою на следующий день. Эллинов же охватил страх и тревога. Особенно тревожились пелопоннесцы: они должны были сидеть здесь, на Саламине, и сражаться за землю афинян. Ведь, проиграв битву, они будут отрезаны и осажены на острове, а родина останется беззащитной.

74. Воины на Истме трудились между тем с таким рвением, как будто спасение Эллады зависело только от них. Ведь одержать победу на море они вовсе не надеялись. Пелопоннесцами же у Саламина, несмотря на известие об этих работах, овладел страх. Они опасались не так за самих себя, как за Пелопоннес. Сначала люди тайно переговаривались друг с другом, дивясь безрассудству Еврибиада. Наконец недовольство прорвалось открыто. Созвали сходку и опять много толковали о том же: одни говорили, что нужно плыть к Пелопоннесу и там дать решительный бой за него, а не сражаться здесь за землю, уже захваченную врагом. Напротив, афиняне, эгинцы и мегарцы советовали остаться у Саламина и дать отпор врагу.

75. Когда Фемистокл увидел, что мнение пелопоннесцев стало одерживать верх, он незаметно покинул собрание. Выйдя из совета, он отправил на лодке одного человека с поручением в мидийский стан. Звали этого человека Сикинн, и был он слугой и учителем детей Фемистокла. Его-то Фемистокл после войны сделал феспийским гражданином (когда феспийцы принимали новых граждан) и богачом. Прибыв на лодке к военачальникам варваров, Сикинн сказал вот что: «Послал меня военачальник афинян тайно от прочих эллинов (он на стороне царя и желает победы скорее вам, чем эллинам) сказать вам, что эллины объята страхом и думают бежать. Ныне у вас прекрасная возможность совершить величайший подвиг, если вы не допустите их бегства. Ведь у эллинов нет единства, и они не окажут сопротивления: вы увидите, как ваши друзья и враги [в их стане] станут сражаться друг с другом». После этого Сикинн тотчас же возвратился назад.

76. Варвары поверили этому сообщению. Прежде всего, они высадили на островок Пситталию, что лежит между Саламином и материком, большой персидский отряд. Потом, с наступлением полночи, корабли западного крыла отплыли к Саламину, чтобы окружить эллинов. Корабли же, стоявшие у Кеоса и Киносуры, также вышли в море, так что весь пролив до Мунихия был занят вражескими кораблями. Варвары плыли туда для того, чтобы не дать эллинам бежать, отрезать их на Саламине и отомстить за битву при Артемисии. А на острове под названием Пситталиа высадился персидский отряд, чтобы спасти или уничтожить занесенных туда волнами людей и обломки кораблей (ведь остров лежал на пути предстоящего сражения). Приготовления эти персы производили в полной тишине, чтобы враги ничего не заметили. Так персы готовились к бою, проведя целую ночь без сна.

78. Между тем военачальники [эллинов] под Саламином продолжали жаркий спор, не зная еще, что варварские корабли уже окружили их. Они думали, что враги стоят еще на прежнем месте, где они видели их днем.

79. Во время этого спора с Эгины прибыл Аристид, сын Лисимаха, афинянин, которого народ изгнал остракизмом. Этого Аристида я считаю, судя по тому, что узнал о его характере, самым благородным и справедливым человеком в Афинах. Он предстал перед советом и велел вызвать Фемистокла (Фемистокл вовсе не был его другом, а, напротив, злейшим врагом). Теперь перед лицом страшной опасности Аристид предал забвению прошлое и вызвал Фемистокла для переговоров. Он узнал, что пелопоннесцы хотят отплыть к Истму. Когда Фемистокл вышел к нему, Аристид сказал: «Мы должны всегда, и особенно в настоящее время, состязаться, кто из нас сделает больше добра родине. Я хочу только сказать тебе, что пелопоннесцы могут теперь рассуждать сколько угодно об отплытии отсюда, это совершенно бесполезно. Я видел собственными глазами и утверждаю, что коринфяне и сам Еврибиад не смогут теперь отплыть отсюда, даже если бы и захотели: ведь мы окружены врагами. Выйди и сообщи об этом».

80. Фемистокл же ответил ему так: «Твой совет превосходен, и ты принес добрую весть. Ведь ты подтвердил мне как очевидец, что все произошло, как я желал. Знай же, что мидяне поступили так по моему внушению. Ведь эллины не желали добровольно сражаться, поэтому я должен был заставить их сделать это против воли. Но так как ты пришел с доброй вестью, то сам и передай ее. Ведь, если я сам скажу им об этом, они сочтут мои слова пустой болтовней и не поверят, так как, по их мнению, варвары никогда не сделают этого. Поэтому выйди и сам сообщи им, как обстоит дело! Если они поверят твоему сообщению, то все хорошо. А если и не поверят, то нам это безразлично: бежать они, конечно, уже больше не смогут, так как ведь, по твоим словам, мы окружены со всех сторон».

81. После этого Аристид предстал перед советом и объявил, что прибыл с Эгины, лишь с трудом избежав преследования сторожевых кораблей варваров. Весь эллинский флот окружен кораблями Ксеркса, и он советует приготовиться, чтобы дать отпор врагу. Затем Аристид покинул собрание. А в совете опять начались споры потому, что большинство военачальников не верили сообщению Аристида.

82. В то время как они еще сомневались, прибыла теносская триера под начальством Пантия, сына Сосимена, который перешел на сторону эллинов. Этот-то корабль принес самые достоверные сведения. За это деяние [имя] теносцев вырезано на дельфийском треножнике в числе победителей персидского царя. Итак, вместе с этим кораблем, перешедшим к эллинам у Саламина, и с ранее присоединившимся у Артемисия лемносским эллинским флотом насчитывал теперь 380 кораблей. Прежде ведь недоставало двух кораблей до этого числа.

83. Эллины же поверили известию теносцев и стали готовиться к бою. Когда занялась заря, военачальники созвали сходку корабельных воинов и Фемистокл перед всеми держал прекрасную речь. В этой речи он сопоставлял все благородные и постыдные побуждения, которые проявляются в душе человеческой. Фемистокл призывал воинов следовать благородным порывам и закончил речь приказанием вступить на борт кораблей.

Воины уже поднимались на свои корабли, как вдруг с Эгины возвратилась триера, посланная к Эакидам. Тогда весь эллинский флот вышел в море, и тотчас же варвары напали на него.

84. Прочие эллины хотели было уже грести назад и причалить к берегу, а Аминий из Паллены, афинянин, выйдя из строя, напал на вражеский корабль. Корабли сцепились и не могли разойтись. Поэтому другие корабли подошли на помощь Аминию и вступили в бой. Так, по афинскому преданию, началась битва; а эгинцы утверждают, что бой завязал первым корабль, посланный на Эгину к Эакидам. Рассказывают также, что эллинам явился призрак некоей женщины. Громким голосом, так что весь флот слышал, призрак ободрил эллинов, обратившись к ним сначала с язвительными словами: "Труссы! Доколе будете вы еще грести назад? "

85. Против афинян стояли финикияне (они образовали западное крыло у Элевсина), а против лакедемонян – Ионяне, которые находились на восточном крыле против Пирея. Однако только немногие ионяне по призыву Фемистокла бились без воодушевления, большинство же сражалось мужественно. Я мог бы перечислить имена многих начальников ионийских триер, которые захватили эллинские корабли, но не желаю их упоминать, кроме Феоместора, сына Андродаманта, и Филака, сына Гистиея (оба они из Самоса). А только этих одних я упоминаю ради того, что Феоместора за этот подвиг персы сделали тираном Самоса. Филака же они записали в список "благодетелей" царя и пожаловали обширными землями. Этих царских "благодетелей" зовут по-персидски "оросангами". Так обстояло дело с этими начальниками триер.

86. Большинство вражеских кораблей у Саламина погибло: одни были уничтожены афинянами, а другие эгинцами. Эллины сражались с большим умением и в образцовом порядке. Варвары же, напротив, действовали беспорядочно и необдуманно. Поэтому-то исход битвы, конечно, не мог быть иным. Между тем варвары на этот раз бились гораздо отважнее, чем при Евбее. Из страха перед Ксерксом каждый старался изо всех сил, думая, что царь смотрит именно на него. <...>

95. Афинянин же Аристид, сын Лисимаха, о котором я недавно упоминал как о человеке благороднейшем, во время Саламинской битвы сделал вот что. С большим отрядом гоплитов (это были афиняне, стоявшие на побережье Саламина) он переправился на остров Пситталию и перебил всех персов, находившихся на этом острове.

97. Когда Ксеркс понял, что битва проиграна, то устранился, как бы эллины (по совету ионян или по собственному почину) не отплыли к Геллеспонту, чтобы разрушить мосты. Тогда ему грозила опасность быть отрезанным в Европе и погибнуть. Поэтому царь решил отступить. Желая, однако, скрыть свое намерение от эллинов и от собственного войска, Ксеркс велел строить плотину [между берегом и Саламином]. Прежде всего, он приказал связать финикийские грузовые суда, которые должны были служить понтонным мостом и стеной, и затем стал готовиться к новой морской битве. Все, видевшие эти сборы, думали, конечно, что царь совершенно серьезно решил оставаться и готовится продолжать войну. Только Мардоний не дал себя обмануть этим, так как ему были прекрасно известны замыслы царя.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Какие разногласия возникли в лагере эллинов по вопросу о способах дальнейшего ведения войны?
2. Почему Фемистокл считал необходимым дать сражение у Саламина? Какая хитрость помогла осуществить ему свои намерения?
3. Какова роль Аристида в Саламинской битве?
4. Какие последствия повлекло за собой вторжение Ксеркса в Аттику? Что произошло с Афинами?
5. Опираясь на данные источника, кратко опишите ход морского сражения.

Вторжение Мардония. Битва при Платеях.

Геродот. История. Книга IX

1. А Мардоний после возвращения Александра с ответом афинян выступил из Фессалии и пошел на Афины. Жителей тех местностей, где проходило войско, он заставлял следовать за собою. Фессалийские властители между тем вовсе не раскаивались в своих прежних поступках, но теперь даже гораздо более настойчиво побуждали царя [напасть на Элладу]. Так, Форак из Ларисы, сопровождавший Ксеркса во время бегства из Эллады, теперь открыто разрешил Мардонию проход через свою страну в Элладу.

2. Когда же персидское войско прибыло в Беотию, фиванцы стали уговаривать Мардония не идти дальше: они советовали разбить здесь стан, так как, по их словам, в Элладе нет более подходящего места для военных действий, чем Беотия. Дальше ему не следует двигаться, но на месте пытаться без боя покорить всю Элладу. Силой ведь одолеть эллинов было бы трудно целому свету, когда те единодушны, как это было до сих пор. «Если ты последуешь нашему совету, — говорили они, — то легко расстроишь все их враждебные замыслы. Пошли денежные подарки наиболее влиятельным людям в отдельных городах и этим ты внесешь раздор в Элладу. А затем с помощью твоих новых приверженцев без труда одолеешь врагов».

3. Так беотийцы советовали Мардонию, а тот не послушался их: он горел желанием вторично взять Афины, отчасти из безрассудного упрямства, а отчасти также потому, что решил сообщить царю весть о взятии Афин сигнальными огнями через острова, пока тот еще пребывал в Сардах. Однако, когда Мардоний вступил в Аттику, он не нашел там афинян. Большинство их, по слухам, вновь переправилось на кораблях на Саламин, и он взял пустой город. А [первое] взятие города царем произошло за 10 месяцев до вторжения Мардония. <...>

9. Наконец спартанцы дали ответ и выступили, и вот при каких обстоятельствах. Накануне дня последнего приема афинских послов некто Хилей из Тегеи (человек, наиболее уважаемый из чужеземцев в Лакедемонии) узнал от эфоров содержание речи афинян и сказал им вот что: «Дело обстоит вот как, эфоры: если афиняне — не наши друзья, а, наоборот, союзники персидского царя, то ворота в Пелопоннес, несмотря на мощную стену поперек Истма, врагам открыты. Поэтому послушайте меня и уступите, пока афиняне еще не приняли какого-нибудь губительного решения для Эллады».

10. Так Хилей советовал спартанцам. А те взвесили его слова и тотчас же, ничего не сообщив послам трех городов, еще ночью выслали отряд в 500 спартанцев (причем к каждому спартанскому гоплиту приставили по семи илотов). Предводительствовать этим войском в походе они приказали Павсанию, сыну Клеомброта. <...>

17. Когда Мардоний стоял в Беотии, все остальные эллинские племена — союзники персов в той области — прислали свои отряды [на помощь]. Они все уже раньше принимали участие во вторжении в Аттику, кроме одних фокийцев. И фокийцы также, конечно, держали сторону персов, правда, не по доброй воле, а по принуждению. Через несколько дней по прибытии персов в Фивы пришла и 1000 фокийских гоплитов во главе с Гармокидом, одним из самых уважаемых граждан Фокиды. Когда же фокийцы также явились в Фивы, Мардоний послал всадников с приказом фокийцам расположиться на равнине отдельно. Фокийцы повиновались, и вдруг перед ними появилась вся персидская конница. После этого среди эллинов в персидском стане прошел слух, что Мардоний хочет перебить [фокийцев]; и этот слух дошел до фокийцев. Тогда-то их военачальник Гармокид обратился к фокийцам с речью и, воодушевляя их, сказал вот что: «Как я полагаю, нас оклеветали фессалийцы. Пусть теперь каждый проявит свою доблесть! Лучше ведь пасть в борьбе, храбро защищая свою жизнь, чем сдаться врагам на милость и погибнуть позорной смертью. Дайте врагам почувствовать, что они варвары, коварно замыслившие гибель эллинам». <...>

28. Затем прибывшие позже эллины и первоначальное войско стали выстраиваться в боевом порядке вот таким образом. На правом крыле стояло 10 000 лакедемонян, 5000 из них были спартиаты; прикрытием им служило 35 000 легковооруженных илотов, по 7 илотов около каждого спартанца. Рядом с собою спартанцы поставили тегейцев из-за почета и доблести, а их было 1500 гоплитов. За тегейцами следовали коринфяне — 5000 человек. А подле них коринфяне потребовали у Павсания место 300 потидейцам, явившимся из Паллены. К ним примыкало 600 аркадцев из Орхомена, а к этим последним 300 сикионцев. Потом шло 800 эпидаврийцев. Рядом с ними была поставлена 1000 трезенцев, а подле трезенцев 200 лепреатов; рядом с ними — 400 микенцев и тирифян, а к ним примыкала 1000 флиунтцев. Около этих последних стояло 300 гермионян. К гермионянам же примыкало 600 эретрийцев и стирейцев. За ними шло 400 халкидян, а за этими последними 500 ампракиотов. После них следовало 800 левкадцев и анакториев. К ним примыкало 200 палейцев из Кефаллени. А за ними было выстроено 500 эгинцев; около них же построилось 300 мегарцев. К этим последним примыкало 600 платейцев. В конце и в начале стояло 800 афинян, занимая левое крыло. Во главе их был Аристид, сын Лисимаха.

29. Все эти воины, кроме 7 илотов, приставленных к каждому спартанцу, были гоплитами. Общее количество воинов было 38 700 человек. Столько было всех собравшихся против варваров гоплитов. Число же легковооруженных было вот какое. В спартанском войске их было 35 000 человек (потому именно, что при каждом спартанце было по 7 легковооруженных илотов), и почти каждый из них был снаряжен для войны. Легковооруженные воины остальных лакедемонян и эллинов, считая приблизительно по одному на каждого воина, составляли 34 500 человек. Число же всех легковооруженных воинов было 69 500 человек.

30. Общее количество всех собравшихся в Платеи эллинских воинов вместе с гоплитами и легковооруженными боеспособными воинами было 108 200 человек. А вместе с явившимися потом упомянутыми феспийцами получилось полных 110 000 человек. В стане эллинов было уцелевших феспийцев 1800 человек. Однако у них не было тяжелого вооружения. Они были построены станом у реки Асопа.

31. Между тем варварское войско Мардония, кончив оплакивать Масистия и узнав, что эллины находятся в Платеях, также пришло к Асопу, который протекает в той местности. По прибытии туда Мардоний стал выстраивать войско против эллинов в следующем порядке. Против лакедемонян он выставил персов, и так как персы далеко превосходили лакедемонян численностью, то он построил больше рядов [в глубину и ширину], так что их боевая линия простиралась еще и до тегейцев. Расставил же он воинов вот как: он отобрал всех самых сильных людей и поставил их против лакедемонян, а более слабых — против тегейцев. А сделал он это по совету и указанию фиванцев. Рядом с персами Мардоний выстроил мидян, которые стояли против коринфян, потидейцев, орхоменцев и сикионцев. А подле мидян он поставил бактрийцев. Эти стояли против эпидаврийцев, трезенцев, лепреатов, тирифян, микенцев и флиунтцев. За бактрийцами стояли индийцы против гермионян, эретрийцев, стирейцев и халкидян. Рядом с индийцами он построил саков. Они занимали место против ампракиотов, анакториев, левкадцев, палейцев и эгинцев. Рядом же с саками против афинян, платейцев и мегарцев он поставил беотийцев, локров, малийцев, фессалийцев и тысячу фокийцев (так как не все фокийцы держали сторону персов). Часть из них, отесненная персами на Парнас, поддерживала эллинов и оттуда производила вылазки, нанося всяческий урон войску Мардония и его союзникам-эллинам. Так же македонян и фессалийские племена Мардоний поставил против афинян.

32. Число варварских воинов, как уже было сказано раньше, составило 300 000 человек. Количество же эллинских союзников Мардония никто не знает, так как подсчета не производилось. Но все же, как можно предполагать, их было около 50 000 человек. Это была пехота, выстроенная Мардонием. Конница же была выстроена отдельно. <...>

41. Итак, за эти десять дней ничего больше не случилось. На одиннадцатый же день, когда войска все еще стояли при Платеях друг против друга (эллины все время про-

должали получать подкрепления, и Мардоний стал тяготиться бездействием), тогда-то Мардоний, сын Гобрива, и Артабаз, сын Фарнака (один из немногих персов, особенно уважаемых Ксерксом), стали держать совет. На совете они высказали вот какие мнения. Артабаз говорил, что необходимо как можно скорее выступить со всем войском и возвратиться в укрепленный город Фивы, где собрано много продовольствия и корма для вьючных животных. А затем, по его словам, можно спокойно кончить войну вот каким способом. У персов ведь много золота в монете и нечеканного, а также серебра и [драгоценных] сосудов для питья. Все эти сокровища, ничего не жалея, нужно разослать эллинам, именно наиболее влиятельным людям в городах. Тогда эллины тотчас же предадут свою свободу, и персам вовсе не нужно будет вступать в опасную битву. Артабаз разделял мнение фиванцев, так как он, как и фиванцы, был лучше осведомлен о положении дел и оказался гораздо предусмотрительнее Мардония. Мардоний же держался более решительного и твердого взгляда, не желая идти ни на какие уступки: он считал, что персидское войско далеко превосходит эллинское и что поэтому следует как можно скорее вступить в бой, не дожидаясь отсрочки дальнейшего усиления врага. На жертвы Гегесистрата, говорил он, не стоит обращать внимания и не добывать насильно благоприятных знамений, а, по персидскому обычаю, дать бой врагу. <...>

46. Афинские же военачальники перешли на правое крыло и передали Павсанию слышанное ими от Александра. Известие это устало Павсания, и он ответил им вот что: «Если битва начнется на рассвете, то вам, афиняне, придется стать против персов, мы же займем место против беотийцев и других, стоящих против вас эллинов, и вот почему. Вы ведь знаете персов и их способ сражаться, так как вам пришлось уже биться с ними при Марафоне. Мы же совершенно не знаем этих людей: ведь никому из спартанцев не приходилось помериться силой с персами, тогда как беотийцев и фессалийцев мы хорошо знаем. Поэтому возьмите ваше оружие и переходите на это крыло, а мы пойдем на левое». На это афиняне ответили так: «Нам и самим уже пришлось в голову, видя, что персы выстраиваются против вас, именно то, что вы теперь предлагаете нам. Мы опасались только, что наше предложение будет вам не по душе. А так как вы сами теперь добываетесь этого, то мы охотно соглашаемся и готовы повиноваться».

47. Так это предложение приняли и те, и другие, и на заре они поменялись местами в строю. Однако беотийцы заметили перемещение и донесли Мардонию. Мардоний же, лишь только узнал об этом, сам тотчас же захотел переменить место и стал переводить персов против лакедемонян. Эту уловку увидел Павсаний и, поняв, что нельзя скрыть передвижения, снова перевел спартанцев на правое крыло. Тогда и Мардоний также возвратился на левое крыло. <...>

52. После этого весь тот день эллинам пришлось выдерживать непрерывные атаки конницы. Когда же под конец дня нападения конницы прекратились и затем настала ночь и пришла пора отправления, тогда большая часть войска поднялась станом и выступила, однако не в назначенное место. Ибо едва эллины двинулись, как на радостях, что ускользнули от вражеской конницы, побежали к городу платейцев, пока не добрались до святилища Геры. Святилище же находится непосредственно перед городом платейцев, в 20 стадиях от источника Гаргафии. Прибыв туда, они остановились перед святилищем и стали разбивать стан.

53. Между тем Павсаний, видя, что воины покидают стан, приказал и лакедемонянам взять оружие и присоединиться к остальным, так как он считал, что войско идет в назначенное место. Прочие начальники спартанских отрядов с готовностью подчинились приказу Павсания, только Амомфарет, сын Полиада, начальник отряда питанетов, объявил, что не станет бежать по своей воле от чужеземцев и не опозорит Спарту. С изумлением смотрел Амомфарет на происходящее, так как не присутствовал ранее на совете. Павсаний же и Еврианакт были возмущены неподчинением Амомфарета, но еще досаднее был для них его отказ от того, что они не хотели покинуть на произвол судьбы отряд питанетов. Они опасались, что если по условию с остальными эллинами оставят Амомфарета-

та на произвол судьбы, то он, покинутый, погибнет вместе со своим отрядом. Поэтому они велели лаконскому войску остановиться и пытались убедить его, что не следует так поступать.

54. Между тем, пока они уговаривали Амомфарета, который только один оставался на лакедемонском и тегейском крыле, афиняне действовали вот как. Они еще спокойно оставались на том месте, где стояли, зная характер лакедемонян, именно, что те думают одно, а говорят другое. Когда же войско двинулось, афиняне послали всадника посмотреть, готовятся ли спартанцы выступить или же вовсе не думают уходить, а также спросить Павсания, что им делать.

55. Когда глашатай прибыл к лакедемонянам, он увидел, что те все еще стоят на своем месте и их предводители в ссоре между собою. Ведь как раз во время прибытия глашатая Еврианакт и Павсаний пытались уговорить Амомфарета не подвергать опасности себя и своих людей, оставаясь на месте. Однако они никак не могли уговорить его, и дело у них дошло до ссоры. В пылу спора Амомфарет схватил камень обеими руками и бросил его к ногам Павсания. Этим камнем, заявил он, он подает голос за то, чтобы не бежать от чужеземцев (под «чужеземцами» он подразумевал варваров). Павсаний же назвал его «исступленным безумцем», потом, обратившись к афинскому глашатаю, ответил и на заданный тем вопрос: следует передать лишь то, что здесь происходит. Он просил также афинян подойти ближе к ним и при отходе повторять маневры спартанцев.

56. Глашатай тогда возвратился к афинянам, а спартанцы продолжали спорить до зари. До этих пор Павсаний не двигался с места. Затем, полагая, что если остальные лакедемоняне уйдут, то и Амомфарет, наверное, не останется, как это и случилось в действительности, он дал сигнал к выступлению и двинулся со всем войском по холмам. Тегейцы также последовали за ним. Афиняне же, согласно приказу, пошли по другой дороге в противоположном направлении. В то время как лакедемоняне из страха перед неприятельской конницей двигались по холмам и склонам Киферона, афиняне свернули вниз на равнину.

57. Амомфарет же думал (по крайней мере вначале), что Павсаний никогда не осмелится оставить их на произвол судьбы, и поэтому упорно не двигался с места. Когда же Павсаний с войском ушел вперед, то Амомфарет решил, что тот действительно его покинул, и приказал своему отряду взять оружие и медленным шагом следовать за остальным войском. А Павсаний, отойдя почти на 100 стадий, стал поджидать отряд Амомфарета, остановившись в местности под названием Аргиопий около ручья Молоента, где стоит святилище элевсинской Деметры. Павсаний остановился там для того, чтобы вернуться и прийти на помощь Амомфарету с его отрядом, если тот не уйдет со своего места. Не успел отряд Амомфарета подойти к Павсанию, как вся конница варваров стремительно бросилась на спартанцев. Ведь персидские всадники выполняли свое обычное дело, и когда нашли место, где эллины стояли в прошлые дни, пустым, то поскакали дальше, пока, настигнув лакедемонян, не напали на них.

59. После этого Мардоний перешел Асоп и поспешно повел персов вслед за убегающими, как он думал, эллинами. Он устремился, однако, только на лакедемонян и тегейцев. Афинян же, которые свернули в долину, он не мог заметить за холмами. Тогда остальные начальники варварских отрядов, увидев, что персы двинулись преследовать эллинов, тотчас же дали сигнал к выступлению и со всех ног пустились преследовать врагов, однако нестройно и без всякого порядка. Так, персы с криком и шумом бросились на эллинов, чтобы захватить их врасплох.

60. Павсаний же, лишь только началась атака конницы, послал всадника к афинянам с приказанием передать вот что: «Афиняне! Теперь, когда нам предстоит решительная борьба за то, быть ли Элладе свободной или порабощенной, мы, лакедемоняне, и вы, афиняне, покинуты союзниками на произвол судьбы, которые бежали прошлой ночью. Итак, теперь ясно, что надо делать: защищаться и помогать друг другу как только можем. Если бы конница сначала напала на вас, то нам и тегейцам, которые одни вместе с нами остались верными Элладе, нужно было бы помочь вам. Но так как теперь вся вражеская кон-

ница обратилась против нас, то вы по справедливости должны оказать помощь сильнее всего теснимой врагом части войска. Если же сверх ожидания окажется, что сами вы не в состоянии помочь, то окажите нам услугу, послав стрелков из лука [против конницы]. Мы знаем, что за время этой войны вы превзошли всех других храбростью. Поэтому, как мы надеемся, вы и теперь исполните эту просьбу».

61. Услышав это, афиняне со всем войском выступили на помощь. Однако уже по дороге на них напали выстроенные против них эллины из стана царя. Афиняне не могли помочь спартамцам, так как им самим пришлось выдерживать натиск противника. Так-то лакедемоняне и тегейцы остались одни и приготовились к битве с Мардонием и его войском. Вместе с легковооруженными воинами лакедемоняне насчитывали 50 000 человек, а тегейцы 3000 (они вовсе не хотели отделяться от лакедемонян). Лакедемоняне стали тогда приносить жертвы, однако счастливые жертвы не выпадали, и за это время успело пасть много воинов и еще больше было ранено. Персы, сомкнув свои плетеные щиты, непрерывно осыпали эллинов градом стрел. Спартамцы попали в тяжелое положение, а жертвы все выпадали неблагоприятные. Тогда Павсаний обратил взоры на святилище Геры у Платей и стал взывать к богине, умоляя ее не обмануть упований спартамцев.

62. В то время как он еще так молился богине, тегейцы первыми поднялись и двинулись на варваров. Сразу же после молитвы Павсания жертвы для лакедемонян выпали благоприятные. Тогда и лакедемоняне наконец также пошли на персов. Персы же перестали пускать стрелы и выступили навстречу. Сначала схватка завязалась около укрепления из плетеных щитов. Когда же укрепление пало, начался долгий и жаркий бой у самого святилища Деметры, пока дело не дошло до рукопашной. Ибо варвары хватались за длинные копья [гоплитов] и ломали их. Персы не уступали эллинам в отваге и телесной силе; у них не было только тяжелого вооружения и к тому же еще боевой опытности. Не могли они сравниться с противником также и боевым искусством. Персы устремлялись на спартамцев по одному или собирались кучей по 10 человек и больше и погибали.

63. В том месте, где стоял сам Мардоний, который сражался на белом коне во главе отряда из 1000 самых храбрых воинов, персы сильнее всего теснили лакедемонян. Пока Мардоний оставался в живых, персы стойко держались и, храбро защищаясь, умертвили много спартамцев. Когда же Мардоний пал и был перебит [весь] отборный отряд его телохранителей, самых отважных воинов, тогда-то остальные персы повернули назад и бежали с поля битвы от лакедемонян. Потерпели же персы поражение главным образом потому, что у них не было тяжелого вооружения и они должны были сражаться легковооруженными против гоплитов. <...>

66. Так кончилась эта битва. Артабаз же, сын Фарнака, с самого начала был недоволен тем, что царь хотел оставить Мардония [в Элладе], а теперь также настойчиво отговаривал вступать в сражение, но тщетно. Артабаз был не согласен с распоряжениями Мардония и поступил вот как. Когда началась битва, исход которой Артабаз ясно предвидел, он отвел все свое войско по заранее обдуманному плану (а у него была немалая сила — около 40 000 человек). Затем Артабаз приказал всем идти столь же быстро, как и он сам, куда он их поведет. Отдав такой приказ, он повел войско как бы в бой. Когда же по дороге он узнал, что персы уже бегут, то перестал держать походный порядок и быстро помчался оттуда, но, впрочем, не к деревянному укреплению и не в город Фивы, а в Фокиду, чтобы как можно скорее добраться до Геллеспонта.

67. В то время как войско Артабаза бежало таким путем, остальные эллины в войске царя неохотно сражались [с эллинами]. Только беотийцы долго бились с афинянами. Ведь приверженцы персов среди фиванцев показали себя далеко не трусами, а, напротив, храбрыми воинами, так что от руки афинян пало 300 самых знатных и доблестных граждан. Когда же и беотийцы не могли больше сопротивляться, то бежали в Фивы, однако не туда, куда бежали персы и все остальные полчища их союзников (эти даже и не сражались ни с кем и вообще ничем не отличились).

68. Для меня очевидно, что вся мощь варваров держалась на персах, если уж до схватки с врагом все эти союзники бросились бежать при виде бегства персов. Таким образом, все варварское войско бежало, и только конница, главным образом беотийская, отважно билась с врагом, прикрывая отступление: не отрываясь от противника, она все время не допускала преследователей [подходить] к бегущим.

70. Персы же и остальные полчища бежали в деревянное укрепление и успели занять башни до прихода лакедемонян. Сверху они защищали укрепление как могли лучше. Когда подошли лакедемоняне, завязалась ожесточенная схватка за деревянное укрепление. Защитники стойко держались, пока не подошли афиняне, и даже получили значительный перевес над лакедемонянами, так как те не умели осаждать крепостей. Но после прихода афинян началась жестокая и продолжительная борьба за укрепление. В конце концов благодаря упорству и отваге афинянам все же удалось взойти на стену и сделать пролом. Первыми проникли в крепость тегейцы, и они-то и разграбили шатер Мардония. Там, между прочим, они захватили конские ясли целиком из меди замечательно [искусной работы]. Эти ясли Мардония тегейцы посвятили в храм Афины Алеи. Остальную же добычу они снесли в то же место, что и прочие эллины. Варвары же после падения стены уже не держали боевого порядка и никто из них «не вспомнил бурной силы». Тысячи людей метались, загнанные страхом в узкое пространство, и эллины легко могли их перебить: так что из всего трехсоттысячного войска, не считая 40 000, с которыми бежал Артабаз, не осталось в живых даже и 3000 человек. Лакедемонян же из Спарты пало в этой битве всего 91 человек, тегейцев 16, а афинян 52.

82. Передают еще вот что: после бегства из Эллады Ксеркс оставил Мардонию свою домашнюю утварь. Когда же Павсаний увидел шатер Мардония с золотой и серебряной утварью и пестрыми коврами, он приказал хлебопекам и поварам приготовить такой же обед, как они обычно готовили Мардонию. Те принялись выполнять приказание. Зрелище пышно устланных мягкими коврами золотых и серебряных ложей, золотых и серебряных столов с роскошно приготовленным обедом и всего этого великолепия и роскоши яств привело Павсания в изумление. В шутку он приказал своим слугам приготовить так же и лаконский обед. Разница между обоими обедами оказалась большая, и Павсаний, засмеявшись, велел пригласить эллинских военачальников. Когда те собрались, Павсаний, указывая им на оба обеда, сказал: «Эллины! Я собрал вас, чтобы показать безрассудство этого предводителя мидян, который живет в такой роскоши и все-таки пришел к нам, чтобы отнять наши жалкие крохи». Это, как говорят, были слова Павсания эллинским военачальникам.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Какие территории удалось захватить войску Мардония?
2. Какие греческие полисы участвовали в битве при Платеях? Кто руководил войском эллинов?
3. Опишите ход сражения при Платеях. Сформулируйте основные итоги этой битвы.
4. Что поразило Павсания в лагере Мардония? Как этот эпизод характеризует различия менталитета эллинов и персов?

Битва при Микале

Геродот. История. Книга IX.

90. В день поражения персов при Платеях произошла как раз и битва при Микале в Ионии. В то время как эллинский флот под начальством лакедемонянина Левтихида стоял у Делоса, прибыли послы с Самоса: Лампон, сын Фрасикла, Афинагор, сын Архестратиды, и Гегесистрат, сын Аристагора, отправленные втайне от персов и тирана Феоместора, сына Андродаманта, которого персы поставили тираном Самоса. Когда послы явились к во-

еначальникам, то взял слово Гегесистрат. Он выступил с длинной речью и на разные лады объяснял, что лишь только ионяне увидят эллинский флот, то сразу же поднимут восстание против персов. К тому же варварский флот вовсе не ожидает появления врага. Если же эллины не решатся [напасть на варваров], то второго такого удачного случая они уже не встретят. Заклиная эллинов общими богами, Гегесистрат побуждал их спасти ионян от рабства и помочь им защититься от варваров. Эллинам, по его словам, это легко сделать, так как корабли у варваров плохие и не под стать эллинским. Если же эллины опасаются хитрости или измены, то они готовы плыть заложниками вместе с ними на кораблях. <...>

96. Так как знамена [при жертвоприношении] выпали счастливые, то эллины отплыли с Делоса на Самос. Когда они были уже близ Калам в Самосской области, то бросили там якорь у святилища Геры и стали готовиться к бою. А персы, узнав о приближении эллинов, также вышли в море, но поплыли с остальными кораблями к материку (финикийские же корабли они отослали домой). Они решили не вступать в бой с эллинами, полагая, что их силы не равны эллинским. Отплыли же варвары к материку под защиту части сухопутного войска в Микале (эта часть войска по приказанию Ксеркса была оставлена сзади главных сил и стояла там для защиты Ионии). Численность этого войска составляла 60 000 человек. Во главе его стоял Тигран, превосходивший всех персов красотой и статностью. Под защиту этого войска и решили стать начальники флота, а именно, вытащить на берег корабли и там построить укрепление для защиты кораблей и собственной безопасности.

97. С этой-то целью персы и вышли в море. Когда они, миновав святилище Владычиц, прибыли в область Гесона и Сколопонта, где стоит святилище Деметры Элевсинской (его воздвиг Филист, сын Пасикла, когда он вместе с Нелеем, сыном Кодра, основал Милет), то вытащили корабли на берег. Затем варвары построили там укрепление [в виде вала] из камней и бревен кругом кораблей, вырубив фруктовые деревья и окружив вал острым частоколом, и приготовились как к победе, так и к поражению, ибо благоразумно рассчитывали на то и на другое.

98. А эллины, получив известие об отплытии варваров к материку, раздраженные их бегством, были в нерешительности, что им предпринять: возвращаться ли назад или плыть к Геллеспонту. Наконец решили: не делать ни того, ни другого, а плыть к материку. Итак, они заготовили [абордажные] сходни и все, что нужно для морской битвы, и поплыли к Микале. Подойдя к стану персов, эллины не заметили [в море] ни одного вражеского корабля, но увидели на берегу корабли за укрепленным валом, а вдоль побережья — огромное войско, выстроенное в боевом порядке. Тогда Левтихид, который плыл на своем корабле ближе всего к берегу, велел сначала глашатаю обратиться к ионянам с такими словами: «Ионяне! Кто из вас слышит меня, заметьте мои слова (персы ведь не понимают ничего из того, что я вам предлагаю). Когда начнется битва, пусть каждый из вас помнит прежде всего о своей свободе, а потом слушает наш боевой клич: “Гера!”. А кто теперь меня не слышит, тому пусть передаст это слышавший меня». Этот призыв Левтихида был задуман с той же целью, как и обращение Фемистокла к ионянам при Артемисии: если варвары не услышат этих слов, тогда ионяне послушаются эллинов или же, если их передадут варварам, то те не будут доверять эллинам.

99. После этого призыва Левтихида эллины поступили вот как: причалив корабли, они высадились на берег и построились там в боевом порядке. Персы же, увидев, что эллины готовятся к битве и договорились с ионянами, сначала обезоружили самосцев, подозревая их в сочувствии эллинам (ведь когда на Самос прибыли на кораблях варваров афинские пленники, оставшиеся в Аттике и захваченные воинами Ксеркса, то самосцы выкупили их и отправили всех в Афины, снабдив на дорогу запасом продовольствия. Этот-то поступок самосцев, именно то, что они выкупили 500 человек врагов, и возбудил больше всего подозрение персов). Затем персы поручили милетянам прикрывать проходы, ведущие к вершинам Микале, якобы потому, что милетяне лучше всего знают местность. На самом же деле — чтобы удалить их из стана. Так персы старались принимать такие

меры предосторожности против тех ионян, которых считали способными поднять восстание. Сами же персы сомкнули свои плетеные щиты как прикрытие против врага.

102. Путь афинян и их соседей (до половины боевой линии) шел берегом и по ровной местности, а лакедемоняне и стоявшие за ними [в строю] воины должны были идти ущельем и горами. В то время как лакедемоняне еще обходили горы, афиняне и их соседи на правом крыле уже бились с врагом. Пока у персов стояло их прикрытие из плетеных щитов, они храбро защищались и не уступали неприятелям. Когда же афиняне и их соседи, придавая бодрости друг другу, стали нападать еще более яростно, чтобы самим решить дело, а не лакедемонянам, тогда сражение приняло уже другой оборот. Эллины провалили плетеное прикрытие и всей массой стремительно бросились на персов, которые, правда, и теперь еще выдерживали натиск и довольно долго защищались, но под конец бежали в укрепление. Тогда афиняне, коринфяне, сикионцы и трезенцы (в таком порядке они стояли в строю), устремившись по пятам за врагом, ворвались в укрепление. А после взятия укрепления варвары уже больше не думали о сопротивлении и все, кроме персов, обратились в бегство. Персы же продолжали сопротивление маленькими отрядами против непрерывного натиска эллинов. Два персидских военачальника также обратились в бегство, а два погибли. Бежали Артаинт и Ифамитра, предводители флота, а Мардонт и Тигран, начальники сухопутного войска, пали в битве.

103. Персы еще сражались, когда наконец появились лакедемоняне и их спутники [на левом крыле] и довершили победу. В этой битве пало также много эллинов, в особенности сикионцев. Пал и их предводитель Перилай. Самосский же отряд в мидийском войске, обезоруженный персами, лишь только заметил, что победа склоняется на сторону эллинов, делал все возможное, чтобы помочь эллинам. Остальные ионяне также последовали примеру самосцев: они изменили персам и напали на варваров.

104. Милетянам же персы поручили охрану проходов, чтобы на случай поражения (что и случилось в действительности) они могли бы найти убежище на высотах Микале под прикрытием и предводительством милетян. Для этой-то охраны милетян и поставили на этот пост и отослали из стана, чтобы предотвратить восстание. Однако милетяне поступили как раз против приказаний: они повели отступающих персов другими дорогами (дороги эти приводили персов к врагам) и в конце концов стали открыто, как злейшие враги, умерщвлять персов.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Кратко опишите ход сражения у мыса Микале.
2. Какова была роль ионийцев в этом сражении?

Греко-персидские войны в трактовке Фукидида

Фукидид. История. Книга I.

18. Через несколько лет после изгнания тиранов из Эллады произошла битва мидян с афинянами при Марафоне. А на десятый год после нее Варвар снова пошел великим походом, чтобы поработить Элладу. Ввиду грозной опасности, нависшей над Элладой, лакедемоняне, как самые могущественные, стали во главе союзного войска эллинов, а афиняне при вторжении мидян решили покинуть свой город. Со всем своим добром они сели на корабли и стали мореходами. После изгнания общими силами Варвара немного спустя все отпавшие от царя эллины и их союзники присоединились частью к афинянам, частью же к лакедемонянам. Действительно, оба эти города были тогда самыми могущественными, один на суше, другой — на море. Этот военный союз, правда, сохранялся недолго. Лакедемоняне и афиняне, разделенные враждой, стали вместе с союзниками воевать друг с другом, и всякий раз, когда где-нибудь возникала вражда между остальными эллинскими городами, они присоединялись либо к Афинам, либо к Лакедедону. Поэтому со времен

мидийских войн вплоть до этой войны они то заключали мирные договоры, то воевали друг с другом или с союзниками (если те отпадали от них), и совершенствовали военное дело, и приобретали все больше опыта, изощряясь в опасностях.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Чем отличается трактовка роли Афин и Спарты в греко-персидских войнах, предложенная Фукидидом, от позиции Геродота?

Строительство флота Фемистоклом

Плутарх. Фемистокл.

4. Так как у афинян был обычай делить между собою доходы от серебряных копей на Лаврии, Фемистокл прежде всего решился выступить один в народном собрании с предложением прекратить такой дележ, а на эти деньги построить триеры для войны с Эгиной. Эта война в Элладе была тогда в полном разгаре: Эгина благодаря своему сильному флоту властвовала над морем. Тем легче было Фемистоклу уговорить сограждан, не страшая их ни Дарием, ни персами (они были далеко, и не было вполне твердого основания бояться их нашествия); но он как раз вовремя использовал соперничество и гнев граждан против Эгины для подготовки к войне с Персией: на эти деньги было построено сто триер, которые и сражались с Ксерксом. Затем понемногу он начал увлекать граждан к морю, указывая им, что на суше они не в состоянии померяться силами даже с соседями, а при помощи сильного флота могут не только отразить варваров, но и властвовать над Элладой. Так, по выражению Платона, он сделал их из стойких гоплитов матросами и моряками. Этим он дал повод к упреку, что дескать Фемистокл отнял у сограждан копье и щит и унизил афинский народ до гребной скамейки и весла. Эту меру он провел, по свидетельству Стесимброта, одержав победу над Мильтиадом, который был против этого. Повредил ли он этим строгости и чистоте государственного строя, или нет, — это скорее вопрос философский; но что спасение эллинов тогда зависело от моря, и что те триеры восстановили Афины, это, помимо других доказательств, засвидетельствовал и сам Ксеркс. Хотя сухопутные войска его оставались еще невредимы, он бежал после гибели флота, признав свое поражение, и оставил Мардония, как мне кажется, не столько для порабощения эллинов, сколько для того, чтобы помешать им преследовать его.

5. Говорят, Фемистокл был ревностным стяжателем, — по словам одних, вследствие своей щедрости, так как любил жертвоприношения и блеск при приемах иностранцев, а это требовало очень больших средств. Другие, напротив, обвиняют его в скряжничестве и мелочности, — будто бы он даже продавал присланные ему в подарок съестные припасы.

В честолюбии он всех превзошел. Еще в молодости, когда он был неизвестен, он упросил Эпикла из Гермiona, кифариста, пользовавшегося большим уважением в Афинах, чтобы он занимался музыкой у него в доме: он желал из честолюбия, чтобы много людей искало доступа в его дом и ходило к нему.

Но народу Фемистокл нравился, как потому, что на память называл по имени каждого гражданина, так и потому, что оказывался беспристрастным судьей в делах частного характера. Так, когда он был стратегом, а Симонид Кеосский просил у него чего-то незаконного, он ответил ему, что, как он, Симонид, не был бы хорошим поэтом, если бы в своих стихах не соблюдал законов стихосложения, так и он, Фемистокл, не был бы хорошим правителем, если бы в угоду кому-нибудь поступал противозаконно. Когда его влияние возросло и он стал популярен, он наконец одержал верх в борьбе на государственном поприще и посредством остракизма заставил Аристида удалиться из Афин.

6. Когда, во время нашествия мидян на Элладу, афиняне совещались о выборе стратега, говорят, все добровольно отказались от этой должности из страха перед опасностью. Только Эпикид, сын Эвфемиды, главарь красноречивый, но в душе трусливый и на

деньги падкий, желал получить эту должность, и можно было ожидать, что он при голосовании одержит верх. Тогда Фемистокл, опасаясь полной гибели государства, если верховное начальство достанется Эпикиду, купил деньгами у него отказ от его честолюбивых замыслов.

Хвалят также поступок Фемистокла с человеком, говорившим на двух языках, который был одним из посланцев персидского царя, требовавших земли и воды, и переводчиком. Согласно народному постановлению, Фемистокл велел схватить и казнить его за то, что он осмелился пользоваться эллинским языком для передачи приказаний варвара.

Но главная заслуга Фемистокла та, что он положил конец междоусобным войнам в Элладе и примирил отдельные государства между собою, убедив их отложить вражду ввиду войны с Персией; в этом деле, говорят, ему оказал очень большую помощь Хилей из Аркадии. <...>

10. Фемистокл, не зная, как склонить на свою сторону народ человеческими рассуждениями, прибег к помощи божественных знамений и оракулов, — как будто в трагедии «подняв машину». Так, он истолковал как знамение случай с драконом, который в те дни, по-видимому, исчез из храма; находя нетронутой священную пищу, которую ему ежедневно приносили, жрецы рассказывали об этом народу. Фемистокл объяснял это в том смысле, что богиня оставила город и указывает им путь к морю.

В другой раз он воспользовался оракулом с демагогической целью: он сказал, что под «деревянной стеной» разумеется не что иное, как корабли; поэтому и Саламин бог называет божественным, а не ужасным или злополучным, поскольку он даст название великому, счастливому для эллинов событию. Когда его мнение было принято, он предложил принять постановление о том, чтобы город вверить покровительству Афины, «владычицы Афин», чтобы все способные носить оружие сели на триеры, чтобы детей, женщин и рабов каждый спасал, как может. Когда это постановление было принято и вступило в законную силу, огромное большинство афинян отправило детей и жен в Трезен; жители его принимали их с полным радушием: они постановили содержать их на общественный счет, давая каждому по два обола, а детям позволить брать везде плоды; кроме того, платить за них жалованье учителям. Вынести такое постановление предложил Никагор.

Так как у афинян в государственной казне не было денег, то, по свидетельству Аристотеля, Ареопаг выдал каждому гражданину, отправлявшемуся в поход, по восьми драхам; таким образом, Ареопагу принадлежит главная заслуга в том, что триеры были снабжены экипажем. Но Клидем и это приписывает хитрости Фемистокла. Именно, когда афиняне спускались в Пирей, рассказывает он, голова Горгоны со статуи богини пропала; осматривая все под предлогом поисков, Фемистокл находил огромное количество денег, спрятанных в поклаже. Эти деньги были обращены в общее пользование, и садившиеся на корабли получили все нужное для пути в изобилии.

Когда весь город уезжал на кораблях, это зрелище внушало одним жалость, другим удивление по поводу такого мужества: семьи свои афиняне провожали в другое место, а сами, не уступая воплям, слезам и объятиям родителей, переправлялись на остров. Однако многие жители, которых по причине старости оставляли в городе, возбуждали глубокое сострадание. Какое-то трогательное впечатление производили сжившиеся с человеком домашние животные, которые с жалобным воем бегали около своих кормильцев, садившихся на корабли. Между прочим, собака Ксанфиппа, отца Перикла, как рассказывают, не перенесла разлуки с ним, прыгнула в море и, плывя подле его триеры, вышла на берег Саламина и тотчас от изнеможения умерла. Там, где показывают и доныне памятник, называемый «Киноссема», говорят, и находится ее могила.

11. Велики эти дела Фемистокла; так же велико и следующее его дело. Он заметил, что граждане жалеют об Аристиде и боятся, как бы он в раздражении не пристал к царю и не погубил Элладу (он был изгнан посредством остракизма еще до войны, побежденный в борьбе с Фемистоклом); поэтому он предложил сделать постановление, позволявшее всем

изгнанникам, за исключением изгнанных за убийство, вернуться на родину и вместе со всеми гражданами делом и словом способствовать благу Эллады.

Из уважения к Спарте главным начальником флота был Эврибиад, человек слабый и боявшийся опасности. Он хотел сняться с якоря и плыть к Истму, где было собрано и сухопутное войско пелопоннесцев. Фемистокл стал возражать ему; при этом и была произнесена, говорят, знаменитая фраза. Эврибиад сказал ему: «Фемистокл, на состязаниях бьют того, кто бежит раньше времени». — «Да, — отвечал Фемистокл, — однако и того, кто остается позади, не награждают венком». Эврибиад поднял палку, чтоб его ударить, а Фемистокл сказал: «Бей, но выслушай». Эврибиад удивился его кротости и велел ему говорить. Фемистокл стал повторять свое прежнее предложение; но тут кто-то сказал, что человеку, не имеющему своего города, не следует уговаривать тех, у кого он есть, оставить и бросить отечество на произвол судьбы. Тогда Фемистокл обратился к нему и сказал: «Негодяй! Да, мы оставили дома и стены, не желая быть рабами из-за бездушных вещей, а город у нас есть, больше всех городов в Элладе, — двести триер, которые теперь стоят здесь, чтобы помогать вам, если вы хотели искать спасения; а если вы уйдете вторично и измените нам, то сейчас же кое-кто из эллинов узнает, что афиняне приобрели и свободный город и землю не хуже той, какую потеряли». После этих слов Фемистокла Эврибиадом овладело раздумье и страх, как бы афиняне не ушли, бросив их. Эретрийский военачальник попробовал было возразить Фемистоклу, но Фемистокл ему сказал: «И вы тоже рассуждаете о войне, когда у вас, как у каракатицы, есть меч, а сердца нет?»

Перевод С.И. Соболевского

Вопросы по тексту источника:

1. К каким социально-политическим последствиям привело строительство боевого флота?
2. Какие характеристики личности Фемистокла, отсутствующие в труде Геродота, дает ему Плутарх?
3. Как Вы понимаете слова Фемистокла о том, что городом афинян являются «двести тирер»? Как эти слова отражают понимание эллинами сущности полиса?

Борьба Фемистокла и Аристиды

Плутарх. Аристид

2. Аристид был приверженцем Клисфена, учредившего после изгнания тираннов демократический образ правления, но среди государственных деятелей он более всего восхищался лакедемонянином Ликургом и стремился ему подражать; поэтому, склоняясь на сторону аристократии, он во всем встречал сопротивление заступника народа Фемистокла, сына Неокла. Есть сведения, что еще детьми, воспитываясь вместе, они никогда не соглашались друг с другом — ни в серьезных занятиях, ни в забавах, ни на деле, ни на словах, и в этом соперничестве сразу же обнаружился характер обоих: проворство, пылкость и изворотливость Фемистокла, легко и быстро принимавшего любое решение, постоянство и основательность Аристиды, всей душой устремленного к справедливости и даже в шутках не допускавшего обмана, пустой болтовни или надувательства. Аристон Кеосский сообщает, что причиной этой вражды, позже дошедшей до такого лютого ожесточения, была любовная страсть: оба горячо любили юношу Стесилая, родом также с Кеоса, намного превосходившего всех своих сверстников прелестью лица и тела, и, когда красота его отцвела, не оставили своего соперничества, но, словно то было для них предварительным упражнением, устремились на государственное поприще, пылая взаимной враждой. Фемистокл, вступив в дружеское сообщество, приобрел таких могущественных защитников, что в ответ на чье-то замечание: «Ты мог бы стать прекрасным правителем Афин, если бы ко всем относился одинаково и беспристрастно», — сказал: «Я никогда не сяду на такой престол, который не предоставит моим друзьям больших прав и возможно-

стей, нежели посторонним людям». Аристид же прокладывал свой путь в полном одиночестве, потому что, во-первых, не хотел угождая друзьям, чинить несправедливость остальным, равно как и обижать друзей отказом выполнить их желание, а во-вторых, видел, как часто могущество, приобретенное благодаря поддержке друзей, толкает человека на несправедливые поступки, и потому остерегался такого могущества, считая, что добрый гражданин может быть счастлив лишь тогда, когда всякое действие его и всякое слово будут честны и справедливы.

3. Тем не менее, поскольку Фемистокл, смело пуская в ход всевозможные средства, старался воспрепятствовать любому его предложению, Аристид, в свою очередь, был вынужден противодействовать начинаниям Фемистокла, отчасти для того, чтобы защитить себя, отчасти же — чтобы уменьшить влияние противника, все возраставшее благодаря расположению толпы: пусть лучше народ, думал он, оставит без внимания некоторые из полезных для государства советов, лишь бы Фемистокл не сделался всемогущим, одерживая победу за победой. В конце концов, взявши как-то раз верх над Фемистоклом, когда тот действовал разумно и целесообразно, Аристид не сдержался и, уходя из Собрания, сказал, что афиняне до тех пор не будут в безопасности, пока не сбросят их обоих — и Фемистокла, и его самого — в пропасть. В другой раз, внеся на рассмотрение народа какой-то законопроект, когда его мнение, невзирая на многочисленные и горячие возражения, все же возобладало и председатель уже готов был перейти к голосованию, Аристид убедился, что противники правы, и снял свое предложение. Нередко он обращался к Собранию через подставных лиц, чтобы Фемистокл из чувства соперничества не помешал полезному начинанию. Его твердость кажется особенно удивительной по сравнению с непостоянством других государственных деятелей: он был безразличен к почестям, в несчастьях сохранял присутствие духа, спокойствие и невозмутимость и полагал, что нужно предоставить себя в распоряжение отечества, не думая не только о вознаграждении, но и о славе и занимаясь делами государства бескорыстно.

4. Не только благоволение и приязнь неутомимо обуздывал он, отстаивая справедливость, но и гнев, и ненависть. Рассказывают, что однажды он привлек к суду своего врага, и после обвинительной речи Аристида судьи отказались слушать ответчика, потребовав немедленного вынесения приговора; тогда Аристид вскочил и вместе с обвиняемым стал просить, чтобы того не лишали законного права высказаться в свою защиту. В другой раз, когда он был судьей в тяжбе двух частных лиц и один из них сказал, что другой причинил много неприятностей Аристиду, тот заметил: «Вот что, любезный, ты лучше говори о том, обижал ли он тебя: ведь я занимаюсь твоим делом, а не своим». Когда ему был поручен надзор за общественными доходами, он уличил в огромных хищениях не только лиц, занимавших государственные должности одновременно с ним, но и тех, кто занимал их прежде, в особенности Фемистокла.

В отместку последний, собрав многих недовольных Аристидом, обвинил его, когда тот представил свой отчет, в краже и, как сообщает Идоменей, выиграл дело. Но первые и лучшие из афинян возмутились, и Аристид был освобожден от наказания и даже вновь назначен на прежнюю должность. На этот раз, делая вид, будто раскаивается в прежнем своем поведении, он выказал куда большую снисходительность и пришелся по душе расхитителям казны, которых он теперь не избличал и не допекал расследованиями, так что они, набив кошельки общественными деньгами, рассыпались в похвалах Аристиду, с немалым рвением убеждая народ переизбрать его еще раз. Перед самым началом голосования Аристид обратился к афинянам с таким упреком: «Когда я управлял вами добросовестно и честно, меня опозорили, а теперь, когда я позволил ворам поживиться немалой толикой общественного добра, меня считают отличным гражданином. Но сам я больше стыжусь нынешней чести, чем тогдашнего осуждения, а об вас сожалею: вы охотнее одобряете того, кто угождает негодяям, нежели охраняющего государственную казну». Этими словами он и хищения разоблачил, и заткнул рот новоявленным громогласным почитателям, стяжав истинное и справедливое одобрение всех порядочных людей.

7. Прозвище Справедливого, вначале доставлявшее Аристиду любовь афинян, позже обратилось в источник ненависти к нему, главным образом потому, что Фемистокл распространял слухи, будто Аристид, разбирая и решая все дела сам, упразднил суды и незаметно для сограждан сделался единовластным правителем — вот только что стражей не обзавелся. Да и народ, чванясь своей победой и считая себя достойным величайших почестей, с неудовольствием взирал на каждого, кого возвышала над толпою слава или громкое имя. И вот, сойдясь со всех концов страны в город, афиняне подвергли Аристида остракизму, скрывши ненависть к славе под именем страха перед тираннией.

8. Спустя три года, когда Ксеркс через Фессалию и Беотию вел свое войско на Атику, закон об изгнании был отменен, и изгнанники получили право вернуться. При этом более всего опасались, как бы Аристид, сам перейдя к врагам, не совратил своим примером многих сограждан и не переманил их на сторону персов, но неверно судили о нем афиняне: еще до упомянутого выше постановления он неустанно призывал греков защищать свободу, а после него и словом и делом всячески поддерживал Фемистокла, избранного стратегом с неограниченными полномочиями, ради общего блага прославляя до небес злейшего своего врага. Когда Эврибиад со своими приверженцами решил оставить Саламин, а персидские триеры ночью вышли в море и, наглухо заперев пролив, овладели островами, причем никто из греков об этом не знал, Аристид, не думая об опасности, прорвался сквозь строй вражеских судов, пришел среди ночи к палатке Фемистокла и, вызвав его, сказал так: «Если в нас есть хоть капля здравого смысла, Фемистокл, мы оставим пустые, недостойные мужей раздоры и вступим в благотворное и прекрасное соперничество, направленное к спасению Греции, ты — повелевая и командуя войсками, я — повинуюсь и служа тебе советом; ведь мне известно, что в нынешних обстоятельствах только ты нашел единственно правильное решение и требовал как можно скорее дать морское сражение в этом узком проходе. И можно подумать, будто сами враги решили тебе помочь, поскольку союзники с тобою не соглашаются: все море кругом, и даже позади нас, усеяно вражескими судами, так что волей-неволей нам придется показать себя доблестными бойцами — путь к отступлению отрезан». На это Фемистокл сказал: «Мне бы, разумеется, не хотелось, Аристид, остаться позади тебя в таком деле; ты положил прекрасное начало — я принимаю вызов и постараюсь превзойти тебя, когда начнется битва». Вслед за тем он открыл Аристиду, какая ловушка приготовлена им для персов, и просил убедить Эврибиада (тот больше доверял Аристиду, чем Фемистоклу), что иного выхода, кроме морского сражения, у них не остается. И когда на совете стратегов коринфянин Клеокрит сказал Фемистоклу, что вот мол и Аристид не разделяет его мнения — ведь он молчит, Аристид возразил: «Нет, я не стал бы молчать, если бы Фемистокл не был прав во всем без изъятия. Не по благосклонности к нему я воздержался от речей, но потому, что одобряю его мнение».

9. Вот какие споры шли между греческими начальниками. Тем временем Аристид, видя, что Пситталия (это небольшой остров, лежащий в проливе как раз против Саламина) полна вражескими воинами, отобрал среди своих сограждан самых храбрых и воинственных, посадил их в лодки, подошел к Пситталии и, вступив с варварами в бой, перебил всех, кроме знатных персов, которые были захвачены живыми. Среди них оказались три сына Сандаки, сестры царя, и Аристид немедленно отослал их к Фемистоклу; говорят, что по слову оракула, изреченному прорицателем Эвфрантидом, их принесли в жертву Дионису Кровожадному. Аристид оцепил островок кольцом тяжеловооруженных пехотинцев, и каждый, кого выносило на берег, попадал в их руки, так что из своих ни один не погиб, а из врагов ни один не ускользнул. Дело в том, что, по-видимому, самые ожесточенные схватки происходили как раз вокруг этого острова, здесь чаще всего сталкивались корабли, и поэтому трофей был воздвигнут на Пситталии.

После битвы Фемистокл, желая испытать Аристида, сказал, что совершен славный подвиг, но впереди — другой, еще более славный: нужно захватить Азию в Европе, а для этого — плыть как можно скорее к Геллеспонту и разрушить мост. Аристид даже вскрикнул от неожиданности и стал убеждать Фемистокла отказаться от этой мысли и подумать

о том, как бы поскорее изгнать персов из Греции, не закрывая им пути к бегству, ибо в противном случае царь, располагая такой огромной силой, вынужден будет защищаться и мстить; тогда Фемистокл тайно отправил к Ксерксу пленного евнуха Арнака, приказав ему донести своему господину, что греки уже готовы были плыть к мосту, но он, Фемистокл, отговорил их, заботясь о спасении царя.

Перевод С.П. Маркиша

Вопросы по тексту источника:

1. Благодаря каким личным качествам Аристид заслужил любовь афинян? Каких политических воззрений он придерживался?
2. Почему и каким образом Аристид был изгнан из Афин? При каких обстоятельствах он вернулся в город?

Создание Афинского морского союза

Аристотель. Афинская политика.

23. (3) Простатами народа в эту пору были Аристид, сын Лисимаха, и Фемистокл, сын Неокла. Последний считался искусным в военных делах, первый — в гражданских; притом Аристид, по общему мнению, отличался еще между своими современниками справедливостью. Поэтому и обращались к одному как к полководцу, к другому — как к советнику. (4) Возведением стен они распорядились совместно, хотя и не ладили между собой; что же касается отпадения ионян от союза с лакедемонянами, то их побудил к этому Аристид, улучив момент, когда лаконцы навлекли на себя ненависть из-за Павсания. (5) Поэтому именно он установил для государств размер первоначальных взносов на третий год после морского сражения при Саламине, при архонте Тимосфене, и принес присягу ионянам в том, что у них должны быть общими враги и друзья, и в знак этого бросил в море куски металла.

24. Так как после этого государство стало уже чувствовать свою силу и были накоплены большие средства, Аристид советовал добиваться гегемонии, а гражданам переселиться из деревень и жить в городе. Пропитание, говорил он, будет у всех — у одних, если будут участвовать в походах, у других, если будут нести гарнизонную службу, у третьих, если будут исполнять общественные обязанности: тогда-то они и возьмут в свои руки гегемонию. (2) Афиняне послушались этого совета и, взяв в свои руки власть, стали слишком деспотично относиться к союзникам — ко всем, кроме хиосцев, лесбосцев и самосцев; а поименованные были у них в качестве стражей их державы, и им предоставляли политическую самостоятельность и власть над теми, кем они тогда управляли.

(3) Кроме того, и большинству народа афиняне обеспечили возможность легко зарабатывать пропитание тем способом, как предложил Аристид. Дело происходило так, что на деньги от взносов и пошлин содержалось более двадцати тысяч человек. Было шесть тысяч судей, тысяча шестьсот стрелков, кроме того, тысяча двести всадников, членов Совета пятьсот, пятьсот стражников на верфях, да кроме них на Акрополе пятьдесят, местных властей до семисот человек, зарубежных до семисот. Когда же впоследствии начали войну, помимо этих было еще две тысячи пятьсот гоплитов, двадцать сторожевых кораблей, еще корабли для перевозки гарнизонных солдат в числе двух тысяч, избранных по жребию бобами, затем пританей, сироты и сторожа при заключенных в тюрьмах. Всем этим лицам содержание давалось из казны.

Перевод С.И. Радцига

Плутарх. Аристид.

24. Еще находясь под руководством спартанцев, греки делали определенные взносы на военные нужды, и теперь, желая, чтобы каждому городу была определена надлежащая подать, они попросили афинян отрядить к ним Аристида и поручили ему, познакомившись с их землями и доходами, в соответствии с их возможностями назначить, сколь-

ко кому платить. Получив такую громадную власть — ведь Греция в какой-то мере отдала в его распоряжение все свое имущество, — бедным ушел он из дома и еще беднее вернулся, составив податной список не только безукоризненно справедливо, но и ко всеобщему удовлетворению. Подобно древним, воспевавшим век Крона, прославляли союзники афинян подать, установленную Аристидом, называя ее «счастьем Греции», в особенности, когда она по прошествии недолгого времени удвоилась, а затем и утроилась. Общая сумма, назначенная Аристидом, была около четырехсот шестидесяти талантов. Перикл увеличил ее почти на треть: как сообщает Фукидид, в начале войны к афинянам поступало от союзников шестьсот талантов. После смерти Перикла правители довели ее, повышая понемногу, до тысячи трехсот талантов — не столько потому, что превратности долгой войны требовали больших издержек, сколько потому, что народ был уже приучен к раздачам, к получению денег на зрелища, к сооружению статуй и храмов.

Говорят, что о громкой, достойной удивления славе, которую принесла Аристиду раскладка подати, Фемистокл с насмешкой сказал: «Такая слава подобает не мужу, а скорее мешку для хранения золота». Это был его ответ, хотя и очень неудачный, на откровенное замечание Аристида, который как-то раз, когда Фемистокл заявил, что величайшим достоинством полководца считает умение распознать и предугадать замыслы противника, заметил: «Да, Фемистокл, это необходимое качество, но все же прекрасно и истине подобает полководцу иметь чистые руки».

25. Аристид привел греков к присяге на верность, сам от имени афинян принес такую же присягу и, произнеся слова заклания, бросил в море куски металла, но впоследствии, когда обстоятельства потребовали власти более твердой, он просил афинян поступать так, как они находят полезным, возложив всю ответственность за нарушение клятвы на него.

Перевод С.П. Маркиша

Вопросы по тексту источника:

1. Какова роль Аристида в создании Делосской симмахии?
2. На что расходовались средства от взносов союзников?

Строительная программа Фемистокла

Плутарх. Фемистокл.

19. Покончив с упомянутыми выше делами, Фемистокл тотчас принялся вновь отстраивать город и обносить его стенами. По словам Феопомпа, Фемистокл подкупил эфоров, чтобы они не противодействовали ему, а по сообщениям большинства историков, он их обманул. Он явился в Спарту под видом посла. Когда спартанцы жаловались, что афиняне строят стены вокруг города, и Полиарх, специально для этой цели присланный из Эгины, обвинял Фемистокла, он стал отрицать это и предложил послать в Афины людей для осмотра: такой проволочкой он выигрывал время для постройки стен и в то же время хотел, чтобы вместо него у афинян в руках были эти посланные. Так и случилось: спартанцы, узнав истину, не тронули его, а отпустили, затаив свое недовольство.

После этого Фемистокл стал устраивать Пирей, заметив удобное положение его пристаней. Он старался и весь город приспособить к морю; он держался политики, некоторым образом противоположной политике древних афинских царей. Последние, как говорят, старались отвлечь жителей от моря и приучить их к жизни земледельцев, а не мореплавателей. Поэтому они распустили басню, будто бы Афина, споря с Посейдоном из-за этой страны, показала судьям маслину и победила. Фемистокл не то чтобы «приклеил Пирей» к городу, как выражается комик Аристофан, а город привязал к Пирею и землю к морю. Этим он усилил демос против аристократии и придал ему смелости, так как сила перешла в руки гребцов, келевстов и рулевых. По этой причине и трибуну на Пниксе, устроенную так, что она была обращена к морю, тридцать тираннов впоследствии повернули

лицом к земле: они думали, что господство на море рождает демократию, а олигархией меньше тяготятся земледельцы.

20. Фемистокл задумал еще более далеко идущий план, касавшийся могущества афинян на море. Когда эллинский флот после отступления Ксеркса вошел в Пагасскую гавань и зимовал там, Фемистокл в одной своей речи перед народным собранием сказал, что у него есть план, полезный и спасительный для афинян, но что нельзя говорить о нем при всех. Афиняне предложили ему сообщить этот план одному Аристиду и, если тот одобрит его, привести его в исполнение. Фемистокл сообщил Аристиду, что он задумал поджечь эллинский флот на его стоянке. Аристид заявил в народном собрании, что нет ничего полезнее, но в то же время бесчестнее того, что задумал Фемистокл. Тогда афиняне приказали Фемистоклу оставить это намерение.

В собрание амфикионов спартанцы внесли предложение о том, чтобы города, не участвовавшие в союзе против персов, были исключены из амфикионии. Фемистокл, опасаясь, что они, удалив из собрания фессалийцев и аргосцев, а также фиванцев, станут полными господами голосования и все будет делаться по их решению, высказался в пользу этих городов и склонил пилაгоров переменить мнение: он указал, что только тридцать один город принимал участие в войне, да и из них большая часть — города мелкие. Таким образом, произойдет возмутительный факт, что вся Эллада будет исключена из союза, и собрание очутится во власти двух или трех самых крупных городов. Главным образом этим Фемистокл навлек на себя вражду спартанцев; поэтому они и стали оказывать больший почет Кимону и выдвигать его как политического соперника Фемистокла.

21. Фемистокла не любили и союзники за то, что он ездил по островам и собирал с них деньги. Так, по словам Геродота, требуя денег от жителей Андроса, он получил от них в ответ следующие слова. Он говорил, что привез с собою двух богов, Убеждение и Принуждение; а те отвечали, что у них есть две великие богини, Бедность и Нужда, которые мешают им давать ему деньги. Тимокреонт, родосский лирический поэт, в одном стихотворении довольно злобно нападает на Фемистокла за то, что он другим за взятки выхлопывал возвращение из изгнания на родину, а его, связанного с ним узами гостеприимства и дружбы, из-за денег бросил на произвол судьбы.

Перевод С.И. Соболевского

Вопросы по тексту источника:

1. Какие меры принял Фемистокл для дальнейшего укрепления Афин? К каким последствиям это привело?
2. Каким образом Фемистокл обращался с союзниками?

Создание Афинского морского союза

Плутарх. Кимон.

5. Когда персы уже оставили Грецию, афиняне же не имели еще первенства на море, а подчинялись Павсанию и лакедемонянам, Кимон, отправленный на войну стратегом, прежде всего всегда заботился о том, чтобы граждане в походах соблюдали строжайший порядок и намного превосходили всех прочих смелостью. Далее, в то время как Павсаний вел изменнические переговоры с варварами и переписывался с царем, с союзниками же обращался сурово и надменно, держа себя крайне нагло, в опьянении властью и безумной гордостью, Кимон ласково принимал обиженных под свою защиту, кротко обходясь с ними; действуя не силою оружия, а словом и личным обаянием, он незаметно отнял у лакедемонян верховное владычество над Грецией. Естественно, что к Кимону с Аристидом примкнула большая часть союзников, не будучи в состоянии долее переносить тяжелый нрав и высокомерие Павсания. <...>.

6. Крайне возмущенные этим преступлением союзники во главе с Кимоном осадили Павсания. Павсаний бежал из Византия и, все еще тревожимый видением, укрылся, как рассказывают, в гераклейском прорицалище мертвых, где вызвал душу Клеоники и умолял ее смягчить свой гнев. Явившаяся к нему Клеоника сказала, что по прибытии в

Спарту он скоро освободится от своих мук, намекая, по-видимому, на гибель, которая его ожидала. Об этом повествуют многие историки.

7. А Кимон, к которому уже присоединились союзники, отплыл, предводительствуя войском, во Фракию. До его сведения дошло, что несколько знатных персов, родственников царя, овладели Эионом, городом, расположенным на реке Стримон, и тревожат окрестное греческое население. Он начал с того, что разбил в сражении самих персов и запер их в городе, а затем, изгнав фракийцев, живших за Стримоном, откуда персам доставлялся хлеб, и приказав караулить всю их землю, поставил осажденных в столь безвыходное положение, что царский военачальник Бут, потеряв всякую надежду, поджег город и погиб в огне вместе с друзьями и имуществом. Так Кимон взял город, но никакой мало-мальски существенной пользы от того не получил: почти все сгорело вместе с варварами. Зато местность, отличавшуюся красотой и плодородием, он отдал под поселения афинянам. Народ разрешил ему поставить каменные гермы. <...>

8. Поселились они и на острове Скиросе, который был завоеван Кимоном вот при каких обстоятельствах. Остров населяли долопы. Земледельцы они были плохие, издавна занимались морским разбоем и перестали щадить даже тех чужеземцев, которые приезжали к ним по делам: несколько фессалийских купцов, приставших к Ктесию, были долопами ограблены и брошены в тюрьму. Убежав из тюрьмы, люди эти принесли жалобу на город в союз амфикиононов. Но так как граждане отказались принять возмещение убытков на общественный счет и требовали, чтобы их покрыли те, кто совершил грабеж и владеет награбленным, эти последние испугались и отправили к Кимону письмо, прося его прибыть с флотом и занять город, который они ему сдадут. Захватив таким путем остров, Кимон изгнал долопов и обезопасил Эгейское море. Прослышав, что древний Тесей, сын Эгея, бежавший из Афин на Скирос, был здесь изменнически убит боявшимся его царем Ликомедом, Кимон принялся усердно искать его могилу, тем более что афинянам было дано прорицание оракула, повелевавшее им перевезти в свой город останки Тесея и оказывать ему почести, какие подобают герою, но они не знали, где именно он покоится, а жители Скироса утверждали, что никакой могилы Тесея у них нет, и не позволяли ее искать. И все же место погребения с большим трудом, после усердных поисков, было найдено, и, приняв останки на свой корабль и великолепно его разукрасив, Кимон привез прах Тесея на родину по прошествии без малого четырехсот лет после смерти героя. За это народ выказывал Кимону величайшее благоволение. <...>

11. С течением времени союзники, продолжая вносить деньги в союзную казну, стали, вопреки принятым обязательствам, воздерживаться от поставки кораблей и людей и отказывались от участия в походах. Теперь, после того как персы удалились и больше их не тревожили, они не видели никакой нужды в войне и желали жить мирно, занимаясь земледелием, а потому и кораблей не снаряжали, и людей не посылали; афинские же стратеги, все, кроме Кимона, принуждали их к этому, непокорных привлекали к суду, подвергали карам и в результате сделали афинское господство ненавистным и тягостным. Но Кимон, занимая должность стратега, шел по пути, совершенно противоположному: силой никого из греков ни к чему не принуждал, а от нежелающих отбывать военную службу принимал деньги или порожние суда, предоставляя тем, кого прельщала спокойная жизнь, проводить время за хозяйственными делами и, безрассудно изнеживаясь, превращаться из людей воинственных в мирных земледельцев и торговцев. Афинян же он по очереди сажал многочисленными отрядами на корабли, закалял в походах и в скором времени сделал их, благодаря денежным средствам, поступавшим от союзников на содержание войска, господами самих плательщиков. Ибо, находясь постоянно в плавании, не выпуская из рук оружия, афиняне, благодаря нежеланию союзников служить, получали в походах военное воспитание и подготовку, а союзники, приучившись бояться афинян и льстить им, незаметно превратились в данников и рабов.

Перевод В.В. Петуховой

Вопросы по тексту источника:

1. Какую выгоду получали афиняне от завоевания новых территорий Кимоном?
2. Какие изменения произошли в Афинском морском союзе благодаря Кимону?

Битва при Эвримедонте

Плутарх. Кимон.

12. Поистине, никто не смирил и не умерил гордыни великого царя так, как это сделал Кимон. Ибо он не оставил царя в покое и после того, как тот удалился из Греции, но преследовал его чуть ли не по пятам и, не давая варварам ни передохнуть, ни расположиться лагерем, одни из их областей опустошал и покорял, другие склонял к отпадению и привлекал на сторону греков, так что вся Азия – от Ионии до Памфилии – была совершенно очищена от персидских войск. Получив известие, что царские военачальники расположились с большим войском и флотом близ пределов Памфилии, и решив дать им урок, который показал бы им, что вся часть моря, лежащая по эту сторону Ласточкиных островов, для них закрыта наглухо, Кимон спешно двинулся из Книда и Триопия на двухстах превосходных триерах, построенных Фемистоклом, которые с самого начала отличались быстротой хода и подвижностью. Теперь Кимон уширил их и соединил палубы мостками, чтобы, приняв на борт значительное число гоплитов, они обладали большею силой в бою. Приплыв к Фаселиде, жители которой хоть и были родом греки, но не приняли греческого флота и не пожелали отпасть от царя, Кимон опустошил их страну и приказал штурмовать город. Но плывшие вместе с Кимоном хиосцы, которые с давних пор были в дружбе с фаселитами, стали упрашивать его смилостивиться и одновременно оповестили фаселитов о намерениях своего полководца, пуская через стены стрелы с привязанными к ним записками. В конце концов они примирили Кимона с фаселитами, причем последние обязались уплатить десять талантов, последовать за Кимоном и принять участие в походе против варваров.

Эфор утверждает, что царским флотом предводительствовал Тифравст, а пехотой – Ферендат; по свидетельству же Каллисфена, высшее начальствование над военными силами персов принадлежало Ариоманду, сыну Гобрия. Не желая вступать в битву с греками, Ариоманд, согласно Каллисфену, стал на якорь у реки Эвримедонта и поджидал там прибытия восьмидесяти финикийских кораблей, плывших к нему от острова Кипра. Решив покончить с врагом до их прибытия, Кимон вышел в море, готовый в случае, если бы неприятель не принял сражения, принудить его к этому силой. Персы же, чтобы улониться от боя, сначала вошли в реку, но, как только афиняне двинулись за ними, выплыли им навстречу на шестистах судах, как пишет Фанодем, по Эфору же – на трехстах пятидесяти. Но ничего достойного таких огромных сил ими совершено не было, по крайней мере, на море: они тотчас повернули к берегу, передние спрыгнули на землю и бросились бежать к выстроившейся поблизости пехоте, а те, которые были настигнуты греками, погибли вместе с кораблями. Какое множество вооруженных судов было у варваров, видно из того, что, хотя многие из них, естественно, ускользнули, а многие были совершенно разбиты, афиняне все же захватили двести кораблей.

13. Пехота персов спустилась к морю. С ходу высадиться и бросить утомленных боем греков против свежих и во много раз превосходящих их численностью сил неприятеля казалось Кимону делом сложным. Но, видя, что люди бодры духом, преисполнены мужества и горят желанием схватиться с варварами, он все же высадил на берег своих гоплитов. Еще не остывшие после жаркой морской битвы, они с громкими криками беглым шагом устремились на врага. Персы выдержали удар и встретили их храбро. Началась жестокая битва; в ней пало немало славных, доблестных и пользовавшихся высочайшим уважением афинян. После продолжительного сражения обратив варваров в бегство, афиняне убивали бегущих, а затем стали брать их в плен, захватывая заодно и палатки, полные всякого добра.

Кимон же, одержав, подобно искусному борцу на играх, в один день две победы и затмив сухопутным боем славу Саламина, а морским - подвиг при Платеях, присоединил к ним третью. Получив известие, что те восемьдесят финикийских триер, которые не успели к сражению, пристали к Гидру, он поспешно вышел в море – в то время как финикийские начальники, не имея никаких достоверных сведений о главных силах, все еще не верили слухам и пребывали в нерешительности. Теперь их охватил ужас, и они потеряли все свои корабли, причем погибла и большая часть людей.

Этот подвиг настолько смирил гордость царя, что он согласился заключить тот знаменитый мирный договор, по которому персы обязались никогда не подходить к Греческому морю ближе, чем на расстояние дневного конского пробега, и не плавать на военных кораблях или судах с медными носами в водах между Темными скалами и Ласточкиными островами. Каллисфен, впрочем, говорит, что варвар такого договора не заключал, но на деле выполнял эти условия из страха, внушенного ему этим существом, и так далеко отступил от пределов Греции, что Перикл с пятьюдесятью кораблями и Эфиальт всего лишь с тридцатью, даже миновав Ласточкины острова, не встретили за ними ни одного персидского военного судна. Однако ж в сборник постановлений Народного собрания, составленный Кратером, включена копия договора как существовавшего в действительности. Говорят даже, что по случаю этого события афиняне воздвигли алтарь Мира и оказывали особые почести Каллию, участвовавшему в посольстве к царю.

Перевод В.В. Петуховой

Вопросы по тексту источника:

1. Кратко опишите ход сражения при Эвримедонте.
2. Каково значение этой битвы? На каких условиях был заключен мирный договор?

Строительная программа Фемистокла

Фукидид. История. Книга I.

90. Прослышав об этом намерении афинян, лакедемоняне отправили послов в Афины, чтобы помешать возведению стен. Они и сами предпочли бы видеть Афины и другие города неукрепленными, и к тому же побуждали их союзники, которые опасались новоявленного морского могущества афинян и отваги, проявленной ими в мидийской войне. Поэтому-то лакедемоняне и требовали от афинян отказаться от укрепления их города и даже предложили помочь им разрушить существующие стены в других городах вне Пелопоннеса. Своих собственных замыслов и подозрений против афинян они, впрочем, не открывали, а ссылались на то, что если Варвар когда-нибудь вздумает вновь напасть на Элладу, то не найдет себе уже никакого опорного пункта (каким в теперешней войне для персов служили Фивы), а всем эллинам достаточным убежищем и опорным пунктом для их военных операций будет Пелопоннес. Афиняне же по совету Фемистокла дали ответ, что сами отправят к ним посольство по этому делу, и отпустили лакедемонских послов. Тогда Фемистокл предложил немедленно отправить его самого послом в Лакедемон, остальных же послов не отпускать вместе с ним, но задержать в Афинах до тех пор, пока воздвигаемая стена не достигнет высоты, достаточной для обороны. Весь город поголовно — мужчины, женщины и дети — должен был строить стены, не щадя при этом ни частных, ни общественных зданий, а просто снося их, если это могло ускорить работы. После этих распоряжений Фемистокл добавил, что о дальнейшем он позаботится сам в Лакедемонне, и уехал. Прибыв в Лакедемон, он не явился сразу же к властям, но под разными предложениями постоянно откладывал посещение. И всякий раз, когда власти спрашивали, почему он не обращается к ним, Фемистокл отвечал, что ожидает товарищей послов, которые случайно задержались и скоро придут.

91. Лакедемоняне, выслушивая Фемистокла, из дружелюбия верили ему. Но когда стали прибывать из Афин очевидцы со сведениями о том, что там идет строительство

стен, которые достигли уже порядочной высоты, не могли и к этому отнестись с недоверием. Фемистокл, узнав об этом, просил не верить рассказам, а послать в Афины несколько надежных людей разузнать об этом и доставить верные сведения. Лакедемоняне так и поступили. Фемистокл же, опасаясь, что, узнав правду, лакедемоняне не отпустят их всех на родину, тайно сообщил об этом посольству афинянам, советуя им, не предавая дело огласке, задержать послов и не отпускать до тех пор, пока афинские послы не вернутся из Лакедемона. Итак, по его совету афиняне задержали послов. Между тем и остальные послы — Аброних, сын Лисикла?, и Аристид, сын Лисимаха, — успели прибыть к нему в Лакедемон с известием, что возведены уже достаточно высокие стены. Тогда наконец Фемистокл откровенно заявил лакедемонянам, что стены уже готовы и Афины достаточно укреплены, чтобы защищать своих жителей. Если же лакедемоняне или союзники, добавил Фемистокл, когда-нибудь вновь отправят послов в Афины по какому-либо делу, то найдут там людей, которых не придется учить тому, что полезнее для них и что — для всей Эллады. Ведь ранее афиняне без чужой помощи на свой страх и риск решили, что разумнее будет покинуть свой город и сесть на корабли, и на общих совещаниях с лакедемонянами снова показали, что они не глупее других. Так и теперь афиняне решили, что для них самое лучшее укрепить свой город стеной, что, по их мнению, будет полезно всем союзникам не менее, чем самим афинянам. Ведь без единой системы безопасности союзники не в состоянии принимать одинаково важные и ценные решения на общее благо. Итак, сказал в заключение Фемистокл, либо всем союзникам следует запретить укрепление своих городов, либо и в данном случае действия афинян следует признать правильными.

92. Выслушав эти слова, лакедемоняне открыто не показали афинянам своего недовольства (ведь они, по их словам, отправляли посольство, вовсе не ставя себе целью возражать против возведения стен, а желая к общему благу повлиять на решение афинян; к тому же лакедемоняне относились тогда к афинянам особенно дружественно из-за их усердия и мужества во время войны с Мидянином). Впрочем, втайне лакедемоняне очень досадовали, что им не удалось достичь своей цели. Послам же обе стороны разрешили возвратиться домой без всяких претензий.

93. Таким образом, за короткое время афиняне успели восстановить городские стены. И теперь еще заметны следы поспешности при строительстве стен. Действительно, нижние слои сложены из разных и кое-где даже необтесанных камней, то есть их укладывали в том виде, как они были доставлены. Много также было вложено в стену могильных плит и камней, приготовленных ранее для других целей. Так как окружная стена всюду была расширена (по сравнению с прежней), то весь пригодный для строительства материал в спешке приходилось брать откуда попало. По настоянию Фемистокла были возобновлены работы в оставшейся еще не укрепленной части Пирея (где работы были начаты уже прежде, в течение года его архонтства). По его мнению, именно это место с тремя естественными гаванями могло дать афинянам (когда они станут морской державой) огромные преимущества для дальнейшего роста их мощи. Фемистокл впервые высказал великую мысль о том, что будущее афинян на море, и положил таким образом начало строительству и укреплению Пирея, взяв это дело в свои руки тотчас же после постановления. По его совету стены, возведенные вокруг Пирея, были такой толщины (как это можно видеть еще и теперь)⁶, что две встречные повозки с камнем могли там разъехаться. Внутри стен для скрепления плит не было заложено ни щебня, ни глины, но огромные прямоугольные на обтесанной стороне каменные плиты были плотно подогнаны друг к другу и с внешней стороны скреплены железными и свинцовыми скобами. Правда, по окончании постройки высота стен оказалась равной только половине высоты, задуманной Фемистоклом. Ведь Фемистокл хотел возвести стены настолько высокие и толстые, чтобы враг не смел даже и помыслить о нападении на них, и для охраны их было достаточно горстки людей и даже инвалидов; всех же остальных граждан можно было посадить на корабли. Действительно, Фемистокл особенно заботился о флоте, как мне кажется, оттого, что пер-

сидскому войску, по его мнению, легче напасть на Элладу с моря, нежели с суши. Поэтому и Пирей в его глазах был важнее верхнего города, и он непрестанно советовал афинянам в случае неудачи на суше спуститься в Пирей и оттуда на кораблях сражаться против любого врага. Таким образом, афиняне тотчас после ухода мидян стали укреплять свой город стенами и занялись прочими военными приготовлениями.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Почему Спарта противилась укреплению Афин? Каким образом Фемистоклу удалось преодолеть протесты лакедемонян?
2. Почему Фемистокл придавал большое значение обустройству Пирея?

Создание Делосской симмахии

Фукидид. История. Книга I.

94. Павсаний, сын Клеомброта из Лакедемона, был послан главным военачальником эллинов с 201 пелопоннесскими кораблями. В его походе участвовали также афиняне на 30 кораблях и много других союзников. Сначала союзники отплыли на Кипр и покорили большую часть острова, а затем направились к Византию (который тогда находился в руках мидян) и, осадив его, овладели городом.

95. Уже давно, однако, властные повадки Павсания стали раздражать прочих эллинов (особенно ионян и всех, кто только что освободился от персидского ига). Поэтому союзники обратились к афинянам как к своим единоплеменникам с просьбой принять на себя главное командование и не допускать больше самоуправства Павсания. Афиняне отнеслись к этому сочувственно и решили, приняв это предложение, распорядиться в дальнейшем по-своему. Между тем лакедемоняне отозвали Павсания, чтобы расследовать ходившие о нем слухи. Действительно, приехавшие в Спарту эллины не раз жаловались на его злоупотребление властью, подобавшее скорее тирану, нежели полководцу. Отозвание же Павсания совпало как раз с тем временем, когда союзники (кроме пелопоннессцев), озлобленные им, перешли к афинянам. (5) Прибыв в Лакедемон, Павсаний предстал перед судом и был осужден, но только за злоупотребления против частных лиц. А от главных обвинений в государственных преступлениях ему удалось оправдаться. Обвиняли же его в основном в приверженности к персам (и это обвинение, по общему мнению, было достаточно обоснованным). Поэтому Павсания уже больше не назначили главнокомандующим, а вместо него отправили Доркиса с другими полководцами и небольшим войском. Союзники, однако, не признали за ними гегемонии. При таком положении этим военачальникам пришлось возвратиться в Лакедемон. После этого лакедемоняне никого больше уже не посылали из опасения, что посланные за рубеж полководцы могут быть подкуплены (как это они уже испытали на примере Павсания). Да и вообще лакедемоняне с этих пор уже не желали принимать участия в мидийской войне, считая, что афиняне (с которыми они пока еще были в дружбе) вполне способны предводительствовать союзниками.

96. Став, таким образом, предводителями по предложению союзников (из-за их ненависти к Павсанию), афиняне определили, какие города должны вносить деньги на борьбу с Варваром, а какие — выставлять корабли с экипажами (предлогом было желание отомстить Варвару за причиненные им бедствия опустошением персидской земли). Тогда впервые афиняне учредили должность эллиноتامиев (казначеев союзной эллинской казны), которые принимали «форос» (так называлась уплата денежных взносов). Первый форос был установлен в сумме 460 талантов. Казнохранилищем был Делос, и в тамошнем храме происходили собрания делегатов союзников.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Каким образом Спарта была отстранена от руководства союзными войсками?

2. Почему общегреческий военный союз получил название Делосский? Что такое форос?

Последние экспедиции Кимона.

Фукидид. История. Книга I.

97. Теперь я расскажу о том, чего достигли афиняне в военных и политических делах в эпоху между войнами мидийскими и этой войной, когда они стояли во главе сперва еще независимых союзников (с правом голоса на общесоюзных собраниях) и воевали как с варварами, так и с собственными отпавшими союзниками и с теми пелопоннесцами, которые при каждом удобном случае вмешивались в дела афинян. Я описал эти события, потому что никто из моих предшественников не касался этого периода, описывая либо события, предшествовавшие мидийским войнам, либо сами мидийские войны. Даже Гелланик, который, правда, коснулся этого периода в своей «Истории Аттики» (но и то лишь вкратце), допустил при этом неточность в хронологии. Вместе с тем в этой части моего труда я дал очерк возникновения мощи афинской державы.

98. Сначала афиняне во главе с Кимоном, сыном Мильтиада, осадив, захватили Эйон на Стримоне, который тогда еще был в руках мидян, и продали его жителей в рабство. Затем они завоевали Скирос (остров в Эгейском море, населенный долопами), продали его жителей в рабство и заселили своими колонистами. Потом у них началась война с каристянами на Евбее (без участия, однако, остальных евбейцев); в конце концов афиняне заставили и каристян сдаться на определенных условиях. Затем вспыхнула война с восставшими наксосцами, которые после осады были вынуждены подчиниться. Это был первый случай лишения независимости союзного города вопреки существующему союзному договору. Впоследствии та же участь, по очереди, постигла и другие города.

99. Поводами к восстаниям союзников служили (наряду с другими) главным образом недоимки при уплате дани и при поставке кораблей, а также встречавшееся иногда уклонение от военной службы. Действительно, афиняне строго взыскивали недоимки, не останавливаясь перед принудительными мерами. Поэтому-то власть афинян стала в тягость людям, не привыкшим к притеснениям и не склонным их переносить. И вообще господство афинян не было уже теперь так популярно, как прежде. В совместных походах афиняне обращались с союзниками не так, как с равными, и если кто-нибудь из них восставал, то восставших без труда вновь приводили к покорности. Впрочем, виноваты в этом были сами союзники. Действительно, из малодушного страха перед военной службой (только чтобы не находиться вдали от дома) большинство из них позволили обложить себя налогом и вместо поставки кораблей они предпочитали вносить надлежащие денежные суммы. И таким образом афиняне получили возможность на средства союзников увеличивать свой флот, а союзники, начиная восстание, всякий раз оказывались неподготовленными к войне и беззащитными.

100. Затем при реке Евримедонте в Памфилии у афинян с союзниками произошла битва с мидянами на суше и на море, где афиняне под предводительством Кимона, сына Мильтиада, одержали в один и тот же день двойную победу. Они захватили в плен и уничтожили в общем до 200 триер финикийской эскадры. Вскоре после этого против афинян восстали фасосцы, поссорившись с ними из-за расположенных напротив острова во Фракии торгово-перевалочных пунктов и золотых копей. Афиняне выслали против Фасоса эскадру и, одержав победу в морской битве, высадились на острове? Приблизительно в то же время они отправили на Стримон во Фракии 10 000 колонистов частью из самих Афин и из других союзных городов с целью основать на побережье поселение, тогда называвшееся «Девять Путей», а теперь — Амфиполь. Колонистам удалось, правда, захватить «Девять Путей» (которыми владели эдоняне), но, проникнув в глубь Фракии, они потерпели решительное поражение у Драбеска в земле эдонян от объединенных сил фракийцев, которые враждебно отнеслись к основанию колонии.

109. Между тем афиняне с союзниками все еще продолжали оставаться в Египте, сражаясь там с переменным успехом. Действительно, сначала афинянам удалось овладеть всем Египтом. Затем персидский царь отправил в Лакедемон перса Мегабаза с большой суммой денег, рассчитывая склонитьполопоннесцев к вторжению в Аттику и вынудить этим афинян покинуть Египет. Однако его посольство постигла неудача, деньги были растрачены напрасно, и Мегабазу с остатком денег пришлось возвратиться в Азию. Тогда царь послал в Египет Мегабиза, сына Зомира, во главе большого войска. Мегабиз прибыл в Египет по суше, разбил в сражении египтян и их союзников, изгнал затем эллинов из Мемфиса и, наконец, запер их на острове Просопитиде. Полтора года вел Мегабиз осаду острова, пока, наконец, ему не удалось осушить канал, отведя воду в другое место, и посадить эллинские корабли на сушу, превратив большую часть острова в материк. После этого он перешел с войском на остров по суше и захватил его.

110. Таков был гибельный конец эллинского похода после шестилетней войны. Из всего войска лишь немногим удалось спастись через Ливию в Кирену, большая часть воинов погибла. Теперь весь Египет вплоть до области царя Амиртея в болотистых низинах дельты Нила вновь оказался под властью персидского царя. Однако царя Амиртея в его обширных болотах нельзя было одолеть (к тому же жители этих болотистых низин - самые храбрые воины среди египтян). Инар же, ливийский царь, зачинщик всего восстания, вследствие измены попал в руки персов и был распят ими на кресте. Между тем пятьдесят триер, посланных на смену в Египет из Афин и из других областей союза, вошли в Мендесийский рукав Нила, ничего не подозревая еще о происшедших событиях. Здесь афинские корабли подверглись одновременно нападению персидской пехоты с суши и финикийской эскадры с моря. Большая часть афинских кораблей погибла, и лишь немногие спаслись. Так окончился великий египетский поход афинян и их союзников. <...>

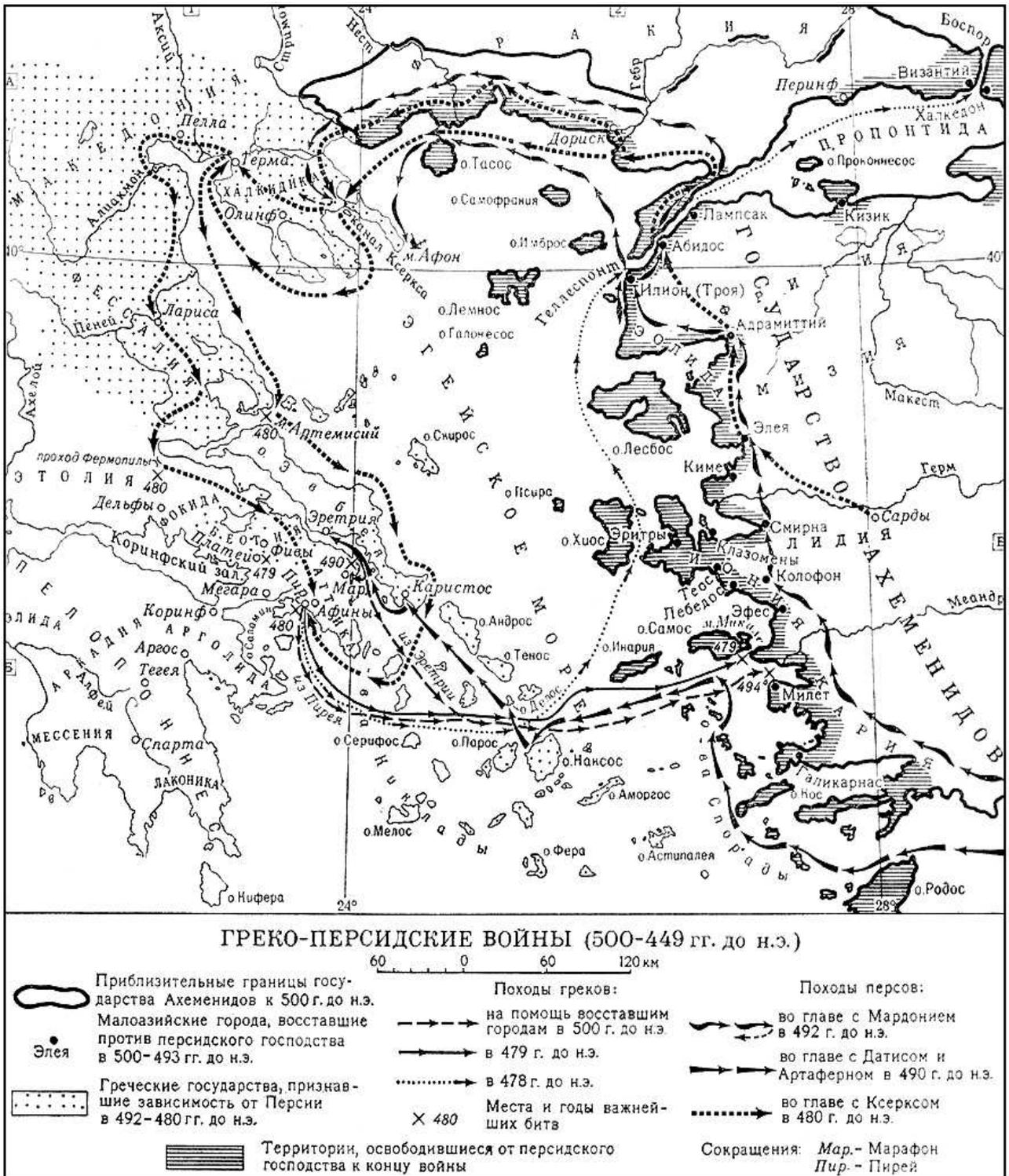
112. Спустя три года пелопоннесцы заключили с афинянами перемирие на пять лет. Поэтому афиняне прекратили войну в Элладе и под предводительством Кимона пошли в поход на Кипр с 200 собственных и союзнических кораблей. Однако 60 из этих кораблей были посланы в Египет по просьбе Амиртея, царя болотистой низменности Нильской дельты. Остальные корабли начали осаду Кития. После смерти Кимона, когда у афинян кончились запасы продовольствия, им пришлось, однако, отступить. Отплыв затем от Саламина на Кипр, афиняне одновременно вступили в сражение на море и на суше с финикийцами, киликийцами и кипрянами. Тут и там афиняне одержали победу и возвратились домой вместе с кораблями, вернувшимися из Египта.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопросы по тексту источника:

1. Что послужило причиной недовольства союзников властью афинян?
2. Какие из экспедиций Кимона принесли ему успех, а какие завершились неудачей?

Карта 1.

Задания по карте:

1. Пользуясь картой, опишите ход ионийского восстания.
2. Проследите по карте маршруты походов Мардония, Датиса и Артаферна.
3. Проследите по карте маршрут похода Ксеркса в 480 г. и войска Мардония в 479 г.

Карта 2.

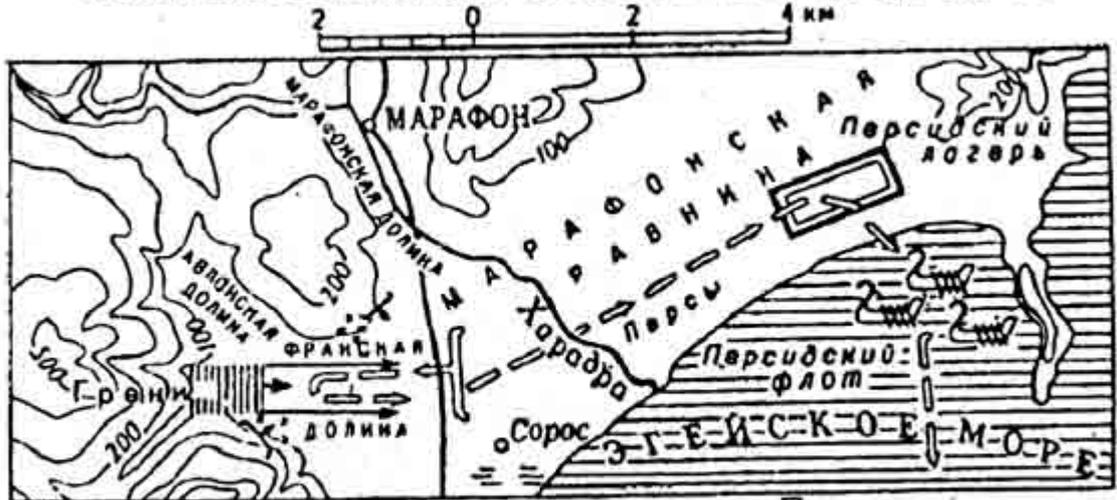

Задание по карте.

1. Пользуясь картой, попытайтесь описать события, связанные с вторжением Ксеркса в Аттику.

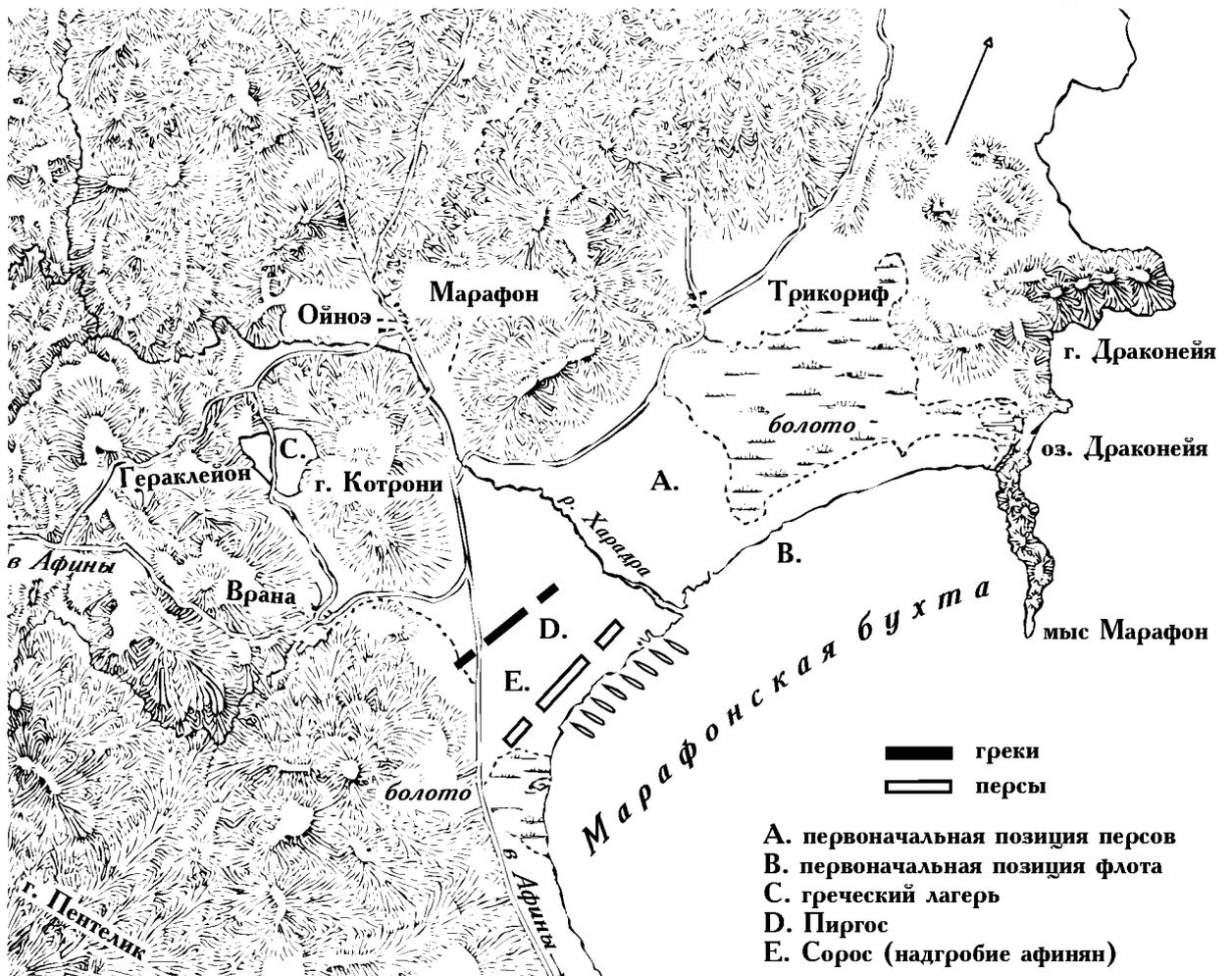
Карта 3.

МАРАФОНСКАЯ БИТВА 490 г. до н. э.

Греки
(около 11 тыс. hopлитов)
 Легковооружённые отряды
 Заграждения

Персы
(около 10 тыс. конницы и
около 10 тыс. пехоты)
 Триремы персов

А. первоначальная позиция персов
 В. первоначальная позиция флота
 С. греческий лагерь
 Д. Пиргос
 Е. Сорос (надгробие афинян)

Задание по карте:

1. Пользуясь схемой и картой, расскажите о ходе Марафонского сражения.

Карта 4.

Задание по карте:

1. Пользуясь схемой, опишите ход сражения при Фермопилах. Вспомните, почему именно в этом месте было решено дать битву.